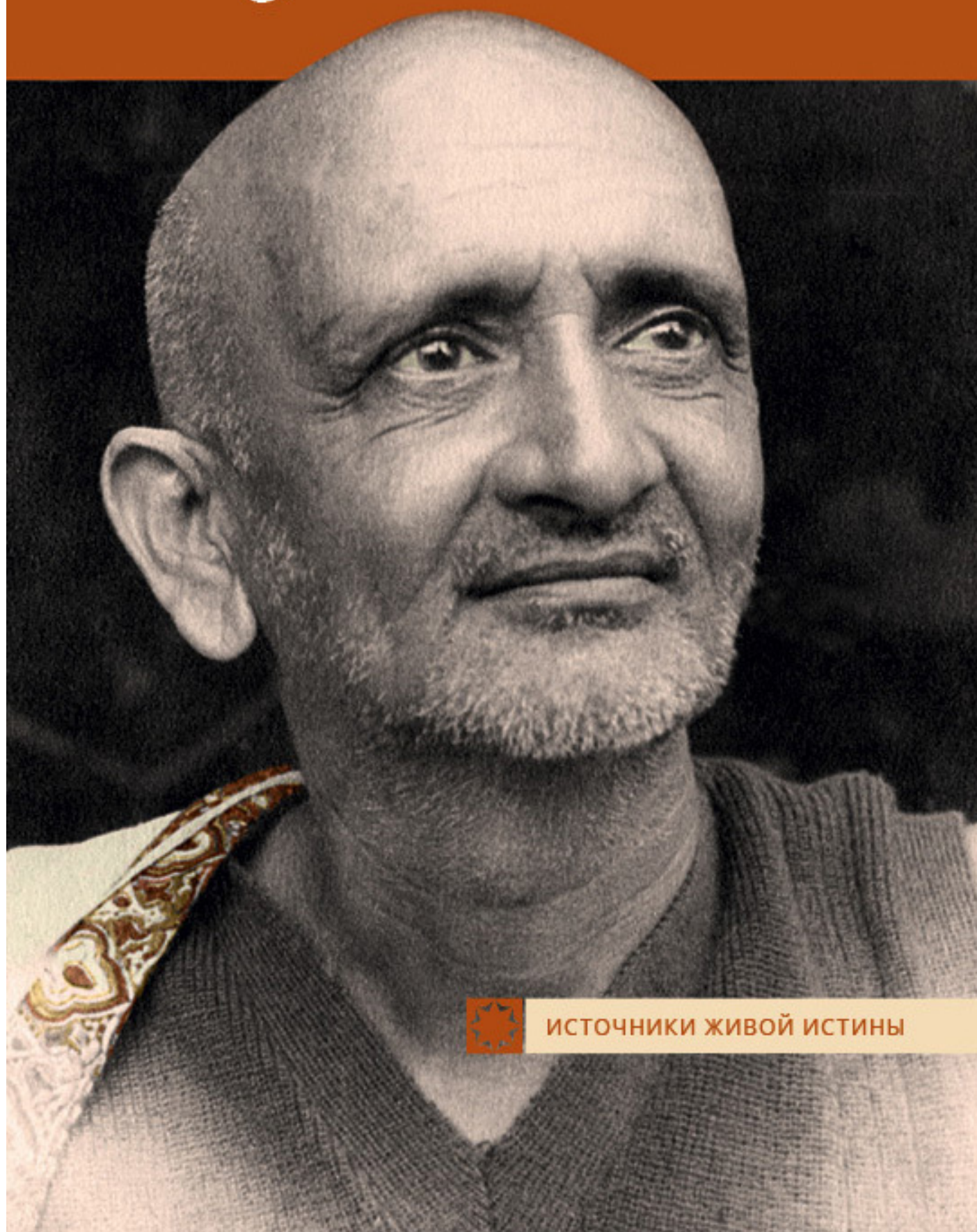

ПАПА РАМДАС

В видении БОГА

ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Источники живой истины

Папа Рамдас
В видении Бога

«ИД Ганга»

УДК 294.5
ББК 86

Рамдас П.

В видении Бога / П. Рамдас — «ИД Ганга», — (Источники
живой истины)

ISBN 978-5-9500596-7-4

Папа Рамдас из Канангада (1884–1963) – духовный учитель Кришнабаи и Йоги Рамсураткумара – один из самых замечательных и обаятельных святых Индии, в ашраме которого и поныне множество людей из всех уголков мира черпают любовь, счастье и радость. Святые редко пишут о своем духовном пути. Эта книга, написанная легко и увлекательно, – одно из редких свидетельств настоящего святого. Она продолжает автобиографию Папы Рамдаса, первые семь глав которой вошли в ранее изданную книгу «По пути с Богом». В ней описаны паломничества по святым местам Индии, встречи с необычными людьми и этапы духовного восхождения.

УДК 294.5

ББК 86

ISBN 978-5-9500596-7-4

© Рамдас П.
© ИД Ганга

Содержание

Вместо предисловия	7
Глава 1[1]. Хубли	9
Сердце матери	9
Есть ли Бог?	12
Ага, у вас поехала крыша!	14
Глава 2. Агастьяшрам – Мангалор – Эрнаулам	16
Десятидневный пост	16
Огнеупорный кирпич!	18
Все делает Бог	20
Глава 3. Калади – Казарагод – на пароходе	22
Место рождения Шри Шанкарачарьи	22
Неприкасаемость – позорное пятно	24
Полицейский Гоа покорен	26
Глава 4. Анджангаум – Ангар	27
Откровенный бунтарь	27
Удивительное преображение	29
Глава 5. Упалаи – Пандарпур – в поезде	31
Изгнание демона	31
Бог – это Любовь в нашем сердце	33
Высшая цель жизни	35
Глава 6. Бангалор – Бомбей	36
Садху-чародей	36
Удивительная лила	38
Пиршество в компании риши	41
У него нет ни гроша	42
Глава 7. Джунагад – Лимбди	43
Святые подобны детям	43
Сахарные матушки	45
Из ловушки майи в ловушку Бога	47
Глава 8. Вадван – Сурат – Джанси	49
Снова Рамчарандас	49
Щеголь Рамчарандас	51
Кришна, Христос и Будда	54
Глава 9. Читракут	57
Отречение лавочника	57
Провал миротворческой миссии	60
Садхуизм – это не шутки	62
Глава 10. Читракут (продолжение)	64
Обнаженный аскет	64
Бог – для тех, кто жаждет истины	66
Как предаться Богу	68
Рамдас – Божье дитя	70
Глава 11. Дорога в Банду – Банда	72
Вода – нектар чистой любви	72
Воинственный садху	75
Путь к покою	77

Глава 12. Банда – Гокар Парват	79
Для Бога нет ничего невозможного	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Свами Рамдас В видении Бога

**Swami Ramdas
In the Vision of God**

© Anandashram, Kanhangad, Kerala, India, text

© Кирпичникова О.В. Перевод

© ООО ИД «Ганга». Составление, оформление, 2017

Вместо предисловия

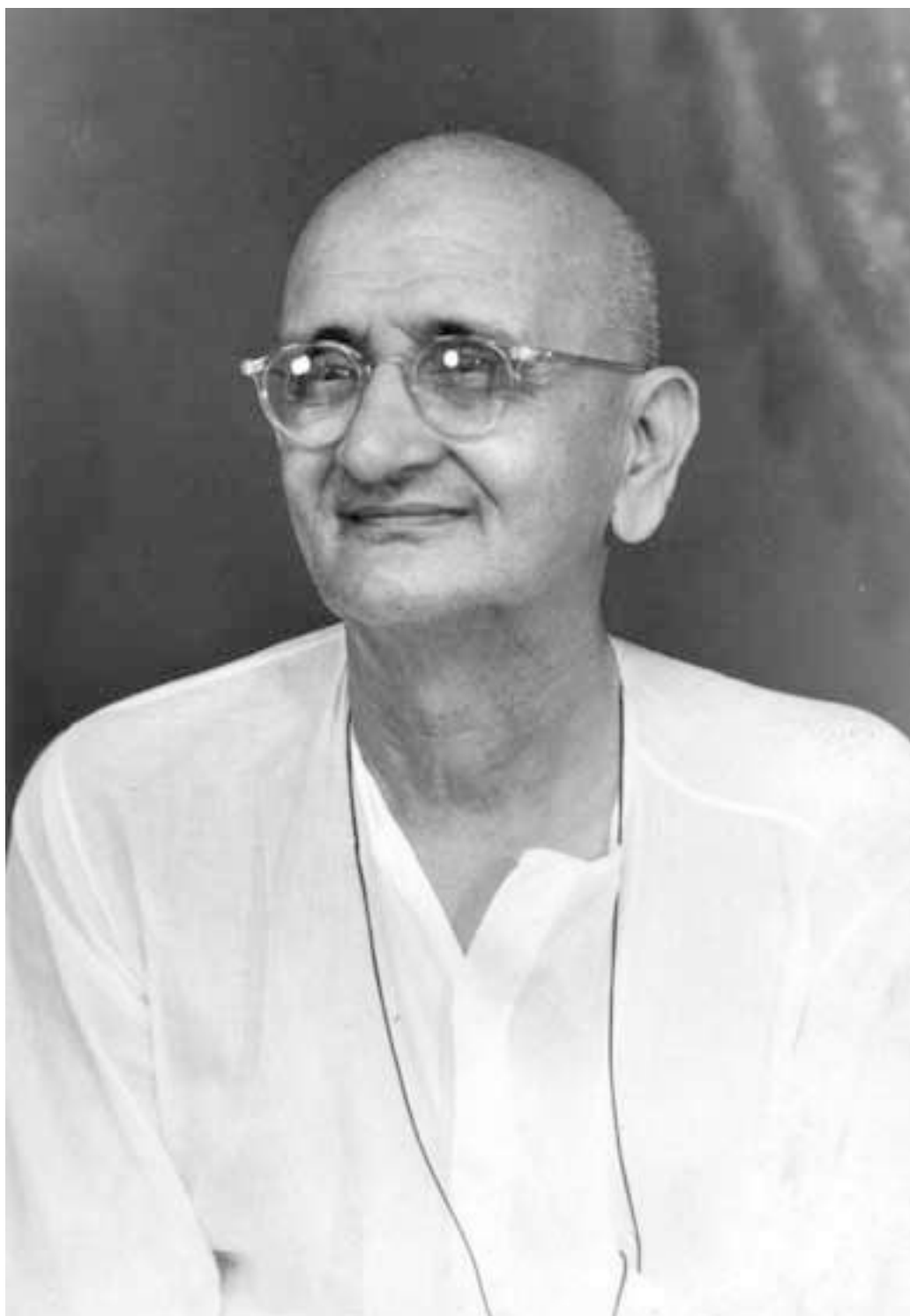
Махатма Рамдас удостоил меня великой чести, попросив написать краткое предисловие к этой книге, «В видении Бога», где он описывает свои дальнейшие странствия.

Я узнал о Рамдасе, прочитав его первую книгу «По пути с Богом», но только год спустя, в октябре 1926-го, мне посчастливилось впервые увидеть его и с тех пор пребывать в его обществе так часто, насколько позволяли его многочисленные путешествия (в том числе описанные в этой книге) и мои мирские дела. Каждый раз, находясь рядом с ним, я чувствовал, что это приносит мне несравненно большую пользу, чем месяцы, проведенные в Кембридже. Книги могут снабдить рядом сведений, общение со знаменитыми профессорами может вселить энтузиазм и интерес к научным изысканиям, но ни то ни другое не раскроет секрета той пленительной блаженной улыбки, что озаряет лицо махатмы Рамдаса, – беспечной улыбки Божьего дитяти, доверчиво отдавшего на Его волю.

Читатели «По пути с Богом» увидят, как с самого начала его пути на каждом шагу сбывалось обещание Кришны: «Я лично забочусь, чтобы те, кто поклоняется Мне одному и думает лишь обо Мне, ни в чем не испытывали нужды» (Бхагавадгита¹ 9–22). Такими эпизодами изобилует и эта книга, и мне бы хотелось привлечь особое внимание читателя к тому, с какой живой наглядностью убедился Рамчарандас в могущественной силе этой великой шлоки.

Но жизнью и мыслью Рамдаса в равной мере управляла и другая прославленная шлока Гиты: «Оставив все обязанности, ищи у одного Меня прибежища, я освобожу тебя от всех грехов, не скорби» (18–66), а также великое изречение Упанишад: «Поистине, все это – *Брахман*²».

Бывало, к Свами Рамдасу приходили люди, желавшие продемонстрировать свое умственное превосходство, почерпнутое из книг, и, к всеобщему удовольствию, Рамдас говорил им: «О Рам, этот дас (слуга) не знает ничего, кроме того, чему Ты решил научить его. Теперь в своей лиле (игре) Ты пришел к нему, притворившись невеждой, словно хочешь проверить, хорошо ли усвоил Рамдас Твой урок». Конечно, эти слова – не строгая цитата, но они передают настрой Рамдаса при встрече с «образованным» человеком, явившимся ради дискуссии. Но если человек приходил к нему со смирением в сердце, с жаждой знания, он получал блестящие советы насчет пути, ведущего к стопам Всевышнего.

Пусть все больше и больше людей проникнутся божественным духом, соприкоснувшись с Рамдасом: такова искренняя молитва этого смиренного почитателя.

С. Р. У. Савур, доктор наук, выпускник Кембриджа

Глава 1¹. Хубли

Сердце матери

Рамдас снова пустился в одинокое пешее странствие. Он шагал и шагал через поля, луга и леса. Его горестные воспоминания о происшествии в *аннакшетре* Пандарпура улеглись после недели *сатсангов*² с деревенскими почитателями. Это была таинственная работа Провидения: нет сомнения, что Всевышний – самый искусный врачеватель душевных мук. Часть дороги пролегла через возвышенность, сплошь покрытую густым кустарником. Когда Рамдас пробирался по этой глуши, ему вдруг захотелось покурить. Случалось, он курил табак, но никогда не носил его с собой. Но разве достанешь курево в этих диких лесах, в безлюдной пустоши, где не видно и следа человека? Однако для Всевышнего нет ничего невозможного.

Неожиданно из-за кустов вышел человек и направился прямо к нему. Первое, что увидел Рамдас, посмотрев на него, была биди, деревенская самокрутка, заложенная за ухо. Незнакомец молча вынул биди из-за уха и протянул ее Рамдасу. При этом он не прикоснулся к Рамдасу, а просто бросил самокрутку ему на ладони, после чего достал из кармана два гладких черных камушка, кусочек хлопка-сырца и, энергично потерев камни друг о друга, высек искру огня и поджег хлопок. На листе он передал горящую вату Рамдасу, тот прикурил биди и затянулся. Все это заняло несколько секунд, и до разговоров дело не дошло. Им оказалось по пути, но незнакомец держался от Рамдаса на почтительном расстоянии.

– Брат, почему ты сторонись Рамдаса и идешь так далеко от него? – нарушил молчание Рамдас.

– О, господин, – ответил попутчик, – я ведь из париев³. Как я могу идти рядом с вами и прикасаться к священной особе?

Не дослушав до конца, Рамдас ринулся к парии и, обхватив его за плечи, крепко прижал к груди:

– Нет, нет, ты не неприкасаемый! Ты сам Господь Витхоба! Разве ты не тот *дхед* (*пария*), кто бросился на выручку Дамаджи Панту, знаменитому святому Мангалведхи⁴?

Тот понимающе засмеялся и пересказал известную историю.

– Ну, раз так, куда же вы идете, господин? – спросил он.

– Ему неизвестно, куда, – откликнулся Рамдас.

– Мили через две будет маленькая деревня на берегу реки Бхимы. Ступайте туда. Там есть только одна лавка, просто встаньте около нее, и Господь обо всем позаботится. Я провожу вас до окраины деревни, а оттуда пойду дальше своей дорогой.

Рамдас дал молчаливое согласие. Больше они не разговаривали, и он впал в блаженную прострацию. Впереди замаячила деревня. Когда до первых хижин оставалось не больше пяти-

¹ Эта книга – непосредственное продолжение повествования «В видении Бога», первые 7 глав которого вошли в книгу Папы Рамдаса «По пути с Богом». Эта глава соответствует главе 8 английского оригинала. – *Прим. ред.*

² *Сатсанг* – святое общение, беседы на духовные темы.

³ Парии («неприкасаемые») – находящиеся за пределами каст и общества. Чаще нищие или очень бедные люди, занятые самыми грязными работами (уборкой мертвых животных с улиц и полей, туалетов, выделкой кож, чисткой канализации, черной работой в шахтах, на стройках и т. п., мусорщики, прачки). До официальной отмены кастовых ограничений «неприкасаемым» запрещалось посещать дома «чистых» каст и брать воду из их колодцев, наступать на их тени, подходить к ним ближе установленного числа шагов, посещать большинство индуистских храмов.

⁴ История восходит к II тыс. до н. э. Дамаджи Пантх был хранителем кладовых могольского султана в Махараштре и во время жестокого голода раздал зерно бедным брахманам. Султан собирался бросить его в тюрьму, но бог Виттал под видом «слуги» Дамаджи явился к султану с мешком денег, якобы вырученных за зерно, и спас Дамаджи, который стал прославленным святым, поющим хвалу Витталу.

десяти ярдов, он оглянулся на своего странного попутчика, но дорога была пуста. Так называемый пария испарился.

Солнце стояло прямо над головой. Следуя полученному совету, Рамдас встал у входа в единственный магазинчик. Покупателей обслуживала женщина невероятной толщины, ей помогал молодой человек. Она увидела Рамдаса, и ее материнское сердце открылось сыну, одинокому бродяге. Отмахнувшись от покупателей, толпившихся у прилавка, она стала выразительными жестами подзывать его к себе.

– Сынок, сынок, – сказала она молодому человеку, – дай-ка быстрее этому *садху* что-нибудь поесть.

Тут же в подол одежды, выставленной Рамдасом, посыпался обильный дождь из воздушного риса, кусков пальмового сахара, фиников и прочей снеди. Упитанная матушка вскочила со своего сиденья и потребовала, чтобы ей дали одеяло. С этим одеялом в руках она перебралась через дорогу – так быстро, как позволяло ее большое тело, где прямо напротив магазина стоял храм Махадева. Расстелив одеяло на полу, она пригласила его сесть. Он послушно разместился на одеяле. Она также захватила с собой *лоту* с питьевой водой.

Потом она уселась перед ним скрестив ноги и стала нежно упрашивать отведать угощений. К этому времени вокруг них скопилась стайка местных мальчишек. Он раздал им большую часть лакомств и, немножко попробовав сам, запил их водой.

– *Садхуджи*, – сказала матушка, – здесь рядышком река Бхима. Пойдите искупайтесь, а я пока приготовлю вам еды. Мой дом неподалеку. Мы пойдем туда, или я принесу обед в храм.

Рамдас поднялся и отправился к реке, где выстирал одежду и вымылся. Вернувшись к храму, он обнаружил, что матушка ждет его.

– Пойдемте, *садхуджи*, – позвала она, – я отведу вас домой.

Он последовал за ней. Стоял палящий зной, и земля раскалилась. Рамдас шагал босиком и с непокрытой головой. Примерно на полпути матушка спохватилась, и ее мягкое сердце сжалось от угрызений совести.

– Какое я бездушное создание! – воскликнула она. – И зачем только я потащила вас по этому солнцепеку! Мне нужно было принести еду в храм. У вас же нет сандалий. Земля накалена, как горящая печка. Дура я, дура и есть!

Она сама, конечно же, была обута в кожаные сандалии, что усугубляло остроту ее раскаяния.

– Ничего страшного, матушка, – утешил ее Рамдас. – Твой сын привык к жаре.

– Ну тогда давайте пойдем быстрее, – поторопила она Рамдаса. – Осталось совсем немного.

Она заспешила вперед, и при каждом шаге ее объемистое тело колыхалось из стороны в сторону. Они подошли к дверям дома, но, к ее величайшему смущению, он оказался заперт: ее невестка ушла к соседям, забрав с собою ключи. Судя по всему, быстрого возвращения не предвиделось, и Рамдас вынужден был стоять на самом солнцепеке.

– Лакшми, Лакшми! – громко позвала матушка и, борясь с одышкой, сокрушенно добавила: – Что я могу поделать? Теперь вам придется стоять босиком на этом раскаленном песке!

Но выход был найден. Она подняла Рамдаса с земли, как солдатику, – он был для нее словно перышко – и поставила, придерживая руками, на нижнюю планку дверного косяка. При этом она продолжала громогласно звать Лакшми, пока та наконец не прибежала от соседей. Матушка не удержалась, чтобы не выплеснуть на невестку все, что накопилось в ее душе. Порция, надо признать, была изрядной!

Дома она усадила Рамдаса на широкую гладкую доску. По ее приказу Лакшми поставила перед ним тарелку с едой – двумя толстыми роти и гороховым карри. Он начал есть. Роти оказались очень черствыми и не крошились в пальцах. Все же он умудрился немного измельчить их и смешать с далом, а потом отправил в рот кусок роти с горохом и попытался проглотить.

Тут, конечно, нелишне отметить, что к тому времени у него осталось не больше трех-четырех зубов, поэтому о жевании не могло быть и речи. Он заглатывал куски роти, пока наконец один, довольно большой, не застрял у него в горле. Он поперхнулся и попытался протолкнуть его внутрь кашлем. Матушка следила за его тяжкими усилиями, и тут ее осенило.

– Проклятия на мою голову! – вскричала она. – А ты что, Лакшми, тоже слепая? *Садху* беззубый, а ты дала ему черствые холодные роти. Как он может есть их? Ты видишь? Он подавился. О Господи Боже! Лакшми, у тебя вообще нет сердца. Ты даже не дала ему воды, чтобы запить. А ну живо принеси воды! Смотри, он стал весь красный, он задыхается!

В ту же секунду у него в руках оказался стакан воды и он сделал глоток. Кусок роти проскользнул в горло. Матушка прыгнула к нему и схватила тарелку с едой.

– От этого вам проку не будет, – забрав тарелку, сказала она. – Лакшми, – велела она невестке, – быстро приготовь свежие роти. Сделай их мягкими. Давай, давай, шевелись!

Пока Лакшми была занята делом, матушка подоила буйволицу, стоящую во внутреннем дворе дома. За пару минут она подогрела молоко. Умелые ручки Лакшми уже состряпали мягкие роти. Матушка раскрошила их в плоску с горячим молоком. Это «детское» питание было поставлено перед Рамдасом.

– *Садхуджи*, – воззвала к нему матушка, – прошу, простите меня. Я ведь просто глупая и никчемная женщина, не обижайтесь на меня. Эта еда подходит вам, пожалуйста, отдайте ей должное.

После обеда матушка проводила его до храма и, попрощавшись с ним, вернулась домой. Таково было сердце этой матери! Он немедленно тронулся в путь и шагал до заката, пока ему не встретилась придорожная деревня.

Есть ли Бог?

Так путешествовал он от деревни к деревне. Состояние его ног опять ухудшилось из-за непрерывной ходьбы. Он приближался к городу Биджапуру. Выйдя из очередной деревни днем, он прошел около трех миль, и примерно в начале четвертого ему повстречались несколько человек. Поравнявшись с ним, они окликнули его и спросили, куда он идет. Он, естественно, ответил, что движется в сторону Биджапура. Кто-то из них сказал, что до города еще двадцать миль и он не успеет дойти туда до ночи, а по пути нет ни одной деревни, где он мог бы остановиться. В темноте он рискует потерять дорогу и заблудиться в джунглях. Он предложил Рамдасу возобновить путь утром и доставить ему радость, проведя ночь в его доме.

Рам повсюду заботится о своем ребенке!

Рамдас повернул назад и дошел вместе с этими добрыми друзьями до их деревни, где остался до утра. Еще затемно, задолго до рассвета он вновь пустился в путь и до полудня одолел почти десять миль. Слева от дороги простирались возделанные поля, посреди которых виднелся колодец, из которого, с помощью пикотах⁵, поступала вода для орошения. Фермер трудился в поле, погоняя четырех буйволов. Рамдас подошел к колодцу, чтобы напиться: для этого ему пришлось спуститься к воде. Когда он выбрался наверх, хозяин буйволов подозвал Рамдаса и усадил его в прохладной тени большого дерева у края колодца. Рамдас немного покурил его чилам с табаком.

– Знаете, у меня к вам вопрос, – сказал фермер. – Уверены ли вы в том, что Бог существует? У меня по этому поводу серьезные сомнения.

– Для тех, кто верит, Бог есть, для тех, кто не верит, Его нет, – ответил Рамдас.

– Послушайте про мою жизнь, – продолжал фермер. – Вы видите, я крестьянин. У меня семья из шести человек – жена, три взрослые дочери, сын и невестка. Мы сами возделываем эту землю. Все члены семьи трудятся в поле с утра до вечера. Я часами погоняю этих четырех буйволов, обеспечивая поливку. Мы все работаем без усталости круглый год. И – можете удивляться – при всем при том у нас не хватает средств даже на самое необходимое.

Три девушки тем временем обступили Рамдаса.

– Посмотрите на них, махарадж, – сказал фермер с горечью, – они ходят в обносках. Вы говорите, что Бог есть. Если это так, то Он, по мне, очень жесток. А если Он жесток, значит, Он не Бог.

– Для Рамдаса Бог – это не предмет веры или рассуждений, – пустился в объяснения Рамдас. – Он для него – данность. Несмотря на рассказ о твоих тяготах, Рамдас может заверить тебя, что Бог есть, и Он весь – любовь и доброта. Мы не вправе судить о Его существовании по тому, наделила ли нас судьба материальным достатком или нет. Все страдания и беды, выпадающие нам на долю, необходимы для нашего духовного роста. Во имя Бога принцы отрекались от царств в обмен на лохмотья и нищенскую суму. Кто-то может купаться в роскоши, но если он недоволен тем, что имеет, жизнь для него – сплошное несчастье. Бедняк, довольный жизнью в своей лачуге, гораздо счастливее монарха, томящегося от скуки в своем дворце. Довольство жизнью – Божий дар, и заслужить его можно верой и подчинением Ему. Бог никогда не желает нам зла. Недостаток веры в Его благоволение – причина всех наших несчастий. Ты говоришь, что судьба безжалостна к тебе и условия твоей жизни невыносимы. Но они покажутся сущим пустяком, если ты правильно оценишь их и таким образом поймешь, в чем настоящая цель жизни. Поверь, Бог не для тех, кто ропщет и ворчит. Брат, не поддавайся отчаянию. Покорись Его воле, и все уладится.

⁵ Пикотах – система механических рычагов, с помощью которых вода поднимается из пруда или колодца и подается в оросительные каналы на полях – вручную или тягловой силой буйволов.

Крестьянин молча выслушал Рамдаса, и его глаза наполнились слезами.

Тем временем мысль Рамдаса заработала: отчего бедствует этот фермер? Разумеется, причина всех наших невзгод – собственные действия, или карма. С помощью каких внешних рычагов в данном случае работает карма? Очевидно, что внешние причины плачевного положения крестьянина – земельный агент и ростовщик. Бездушная эксплуатация торговца, с одной стороны, и жадность ростовщика – с другой, без сомнения, сломили этого трудягу. Традиция, требующая больших денежных расходов на церемонии и праздники, держит его в черном теле. Вдобавок ко всему – капризы погоды, нашествия засухи и т. д. плюс непомерно большие налоги.

К середине дня он оказался в деревне, где нашел пруд в древесной роще и искупался в нем. В соседней деревне он добыл свою *бхикшу*. Отдохнув в тени с часок, он двинулся дальше. До Биджапура теперь оставалось всего шесть километров, и уже к пяти часам он вошел в город.

Он направился в дом Шанкарлала Озы, доброго друга-торговца, чей гостеприимный кров приютил его, когда он был в Биджапуре прошлый раз. Друг уговорил его провести с ним два дня. Он сам и его хворающая жена оказались настоящими воплощениями любви – столько чуткости и внимания они проявили к Рамдасу. Шанкарлал сразу заметил, в каком состоянии ноги Рамдаса. Они так сильно распухли, будто на него напала слоновья болезнь. С большим беспокойством он поднял этот вопрос в присутствии своих друзей, и, проникшись сочувствием, они собрали деньги на билет на поезд до Хубли. Рамдас как-то упомянул в разговоре, что собирается в Хубли.

Ага, у вас поехала крыша!

На третий день он отбыл из Биджапура вечерним поездом. После покупки билета на собранные друзьями деньги осталась сдача в восемь анн, и Шанкарлал стал уговаривать Рамдаса забрать ее. Несмотря на его протесты, он засунул горсть монет, вместе с билетом, в карман плаща Рамдаса, который тот тогда носил.

Прошла ночь, наступило утро. Восемь анн позвякивали в его кармане. Он не знал, что делать с ними. До сих пор у него не было привычки носить с собой деньги, ибо он не нуждался в них. Господь неизменно присматривал за ним и не создавал ситуаций, когда у Рамдаса возникала бы нужда в деньгах. На одной из станций в вагон вошел слепой нищий. Рамдас подумал, что выход найден, и вручил бродяге монетку в две анны, оставив остальное для нищих, которые могли войти на других остановках. Но станция следовала за станцией и других «кандидатов» не появлялось.

Около десяти утра поезд въехал на вокзал Хубли. Рамдас вышел из вагона и зашагал по дороге. Что делать с деньгами? Вопрос не давал ему покоя ни на минуту. Рам приказывал ему сначала пойти домой к Убхайакару, а ближе к вечеру – в Матх Шри Сиддхарудхи. Он уже приблизился к воротам дома Убхайакара, но нет, он не мог войти внутрь с деньгами в кармане. Ему хотелось избавиться от них, но вот как? Он повернул назад и пошел обратно к станции. На полпути он остановился на дороге. «Ну что же делать с деньгами?» Поблизости не было видно ни одного нищего. У него промелькнула мысль просто бросить мелочь в придорожную канаву, но тоже нет, Рам наущал его передать кому-нибудь деньги. Где этот «кто-нибудь»? О Господи, что за незадача!

Читателю эта проблема может показаться до смешного пустячной, но для Рамдаса это был важный и решающий вопрос. Он снова повернул к дому Убхайакара. Приближаясь к воротам, он заметил дворника, выходящего из двора муниципальной конторы. «Вот он, Рам, выручай», – пробормотал Рамдас и отдал ему оставшуюся мелочь. На сердце, похоже, стало легче. Теперь он мог войти в дом Убхайакара.

Суббарао Убхайакар, святая душа, радушно встретил его. Все члены его семьи изливали на него свою доброту. Старый святой показал Рамдасу храм Кришны, возведенный его усилиями и по его инициативе. Образ Кришны – статуя из чистейшего, белого как снег мрамора – прекрасное и пленительное произведение искусства.

По возвращении домой святой поинтересовался, куда теперь собирается держать путь Рамдас.

– В Бангалор, – ответил тот.

– Как раз послезавтра женщины из нашей семьи едут в Бангалор, вы можете присоединиться к ним, – предложил он, и Рамдас согласился.

После полудня он посетил знаменитый Матх Свами Шри Сиддхарудхи. Он уже бывал тут однажды. Шри Сиддхарудха был одной из тех великих личностей, чьи святые стопы притягивали тысячи людей. Рамарао, сын Шиварао Чандрагири, недавно принявший *санньясу* – благородный сын достойных родителей, – с любовью принял на себя все заботы о Рамдасе.

Рамдас оставался в Матхе два дня. Ночами он устраивался на веранде храма *самадхи*⁶. На второй день, вскоре после наступления темноты, к нему подошел обитатель ашрама.

– Могу ли я предложить вам какую-нибудь еду? – осведомился он.

Но Рамдас был не в том настроении – он вообще покинул пределы двойственного мира.

– Кому ты задаешь вопрос? – сделал он ответный ход.

– Вам, разумеется, – уточнил гость, указывая пальцем на Рамдаса.

⁶ *Самадхи* – гробница, место упокоения. Храмы часто воздвигаются над гробницами святых.

– Можно ли говорить о «тебе» и «мне», если все едино? – гнул свое Рамдас. – Разве все видимое не подобно змее в веревке, сыну бесплодной женщины, рогатому зайцу, цветку в небе...

– Ага, у вас поехала крыша!⁷ – перебил друг и, показав Рамдасу спину, скрылся из виду.

На следующий день Рамдас вернулся в дом Убхайакара и дневным поездом уехал из Хубли в компании его родственников. Эти матушки нежно заботились о нем в течение всего пути. Рано утром они прибыли в Бангалор.

⁷ В оригинале выражение «You are in the upper storey» (букв. «вы на верхнем этаже») – идиома, означающая «снесло чердак», «поехала крыша» и т. д.

Глава 2. Агастьяшрам – Мангалор – Эрнаулам

Десятидневный пост

Добрые матушки вместе с Рамдасом подкатили к своему дому, маленькому изящному особняку. Он пробыл там всего полчаса: Рам требовал, чтобы он побыстрее ускользнул оттуда. Он спешно ретировался, двинувшись в Маллешварам. Им руководила идея навестить Бхаванишанкаррао, встретиться с которым ему довелось в прошлом году в Кундапуре. Рамдас добрался до Маллешварама, района на окраине Бангалора, застроенного новенькими, аккуратными коттеджами. Но какой из них принадлежит Бхаванишанкаррао? Рамдас никогда не был здесь прежде. Рам должен привести его – так Он и сделал.

Он поплутал по лабиринту боковых проулков, пока ноги сами не привели его на улицу, где жил Бхаванишанкаррао. К тому же, не дойдя нескольких ярдов до его дома, Рамдас встретил отца Бхаванишанкаррао, и тот привел его прямо к воротам. Бхаванишанкаррао и прочие обитатели коттеджа встретили Рамдаса с распростертыми объятиями.

Здесь он вновь повидался с Ситабаи, сестрой Бхаванишанкаррао, и теперь – вдовой д-ра Уманатрао из Кундапура. Больше года назад Уманатрао покинул смертную оболочку. Глубина веры Ситабаи и ее отрешенности от всего мирского была поистине поразительной. В доме каждый вечер исполнялась духовная музыка, а во второй половине дня проводилось чтение Рам-мантры. Самыми ревностными участниками этих церемоний были Бхаванишанкаррао и его сестра.

Рамдас изменил свой рацион, ограничив его молоком и фруктами. Он провел с этими добрыми благочестивыми людьми четыре дня, а потом уловил явственный призыв из Кири-манджешвара, пригорода Кундапура, известного также как Ашрам Агастьямуни.

На пятый день Рамдас выехал из Бангалора вечерним поездом и на следующий вечер прибыл в Казарагод. Здесь он не упустил случая удостоиться *даршана* Гурудэва⁸ и повидался со многими почитателями. Задержавшись в Казарагоде всего на один день, он последовал в Мангалор. Его целью был Кири-манджешвар, и он должен был оказаться там как можно быстрее. Он получил «сообщение», что в этом месте ему предстоит длительное голодание. В Мангалоре он ненадолго заглянул к матушке Рукмабаи⁹, а затем двинулся прямо в Удипи и оттуда поспешил в Кундапур. На ночь его поместили в диспансер Рама Бхатджи. Утром он переправился через реку на пароме и оказался в Кири-манджешваре.

Он сразу же искупался в храмовом водоеме. Выпив немного воды, он до вечера бродил в огромном лесу, в чаще которого обнаружил маленький храм богини. Храм состоял из внутренней святыни – узкого и темного помещения, где была установлена каменная статуя Дэви, чистой передней комнаты с гладким блестящим полом и открытой веранды. Он решил обособоваться в примыкающей к святыне комнате, где было много свежего воздуха. Имущество его состояло из одного дхоти и двух набедренных повязок.

Режим его складывался примерно так: три омовения в пруду – утром, днем и вечером, что совмещалось с питьем воды из того же пруда. Пруд находился примерно в пятидесяти ярдах от храма Дэви. Ночи он проводил в комнате, дни – в лесу. У храмового алтаря вечером зажигался светильник – глиняная плошка с кокосовым маслом. Он горел несколько часов. За этим следила матушка, жившая неподалеку. Обычно она делала это раньше, чем он возвращался из леса в сумерках, так как к его приходу лампада уже горела. Как-то раз матушка припоздни-

⁸ Рамдас почитал как Гурудэва своего отца, посвятившего его в Рам-мантру.

⁹ Рукмабаи – жена Рамдаса по «прежней» жизни.

лась, и он уже сидел в комнате. Она пришла в храм, как всегда, но, увидев смутные очертания его фигуры в полумраке комнаты, испугалась, взмахнула руками и, громко вскрикнув, в ужасе убежала прочь. После этого она не появлялась ни разу, и светильник больше не зажигался.

Иногда вечерами Рамдас совершал прогулки к океану. Он обнаружил на берегу огромный камень, выдающийся в море, и, взгромоздившись на него, подолгу глядел на огромные волны, с грохотом бьющиеся о скалы. Под ногами шныряли морские крабы, над головой летали белые чайки, длинная лента песка искрилась на солнце. На исходе дня его ожидало одно из самых впечатляющих зрелищ – закат солнца. Постепенное погружение пылающего диска в глубины синего моря завораживало его взор. Здесь, на берегу, несмотря на оглушительный рокот волн, он ощущал покой, не поддающийся описанию.

Так шли его дни – в молчании, посте и омовениях в пруду. Кто-то из сельчан, прослышав о его голодании, пытался прервать его, уговаривая отведать молока или фруктов. Но он был равнодушен как к дарам, так и к дарителям. Как-то раз во время своих бесцельных блужданий он вышел к рынку, где большинство продавцов были мусульманами.

– Кто этот человек? – спросил прохожий у торговца, указывая на Рамдаса.

– Так, один полудурок, – ответил тот, покрутив пальцем у виска.

Рамдас расслышал это замечание и, подойдя поближе, поправил торговца:

– Нет, брат, «полудурок» – это слабо сказано. Почему не сказать правду – «полный дурачок»?

Лавочник опешил, услышав это неожиданное странное признание. Рамдас пошел своей дорогой.

Следует упомянуть, как голодание влияло на Рамдаса. На третий день он начал чувствовать физическую слабость. Спустя еще три дня передвижение стало даваться ему с большим трудом. Он не мог дойти до пруда без остановок, и несколько раз ему приходилось присаживаться и отдыхать. Тело, естественно, изрядно исхудало. На восьмой день он мог только ползти к пруду на четвереньках, чтобы окунуться и выпить воды. Остальное время он лежал пластом на спине на гладком полу комнаты, а когда пытался приподняться, ему казалось, что спина приклеена к полу. Он бодрствовал день и ночь. О сне не было и речи. Он не ощущал никакого дискомфорта в теле, кроме сильной физической слабости. В уме, занятом привычной и непрерывной работой – памятованием Бога, царил абсолютный покой. Когда он неподвижно сидел или лежал, сознание тела часто покидало его.

На девятый день к нему в храм Дэви пожаловал местный староста из общины Сарасватов и предложил дары – молоко и бананы. Рамдас дал ему понять, что пока что приказа «на еду» от Бога не поступало и он не имеет понятия, когда закончится пост. При этом он пообещал другу, что когда это произойдет, первая трапеза состоится непременно в его доме. День этот оказался не за горами. Пост длился еще два дня, после чего Рамдас побрел к дому Сарасвата. Идти пришлось больше мили, и несколько раз он подолгу отдыхал по дороге.

Добрый друг, как и его благочестивая жена, почтили за великую честь покормить Рамдаса. После еды Рамдас, испросив позволения у радушного хозяина, уехал в Кундапур на автобусе, куда его заботливо усадил староста. К вечеру он добрался до Кундапура.

Огнеупорный кирпич!

В Кундапуре Рамдас, как повелось, обосновался на втором этаже диспансера Рама Бхатджи. Друг-доктор проявлял к нему исключительную любовь и чуткость. Питание его состояло поначалу из одного лишь молока. Здесь он встретил Рамчарана, высокообразованного *санньясина* из Северной Индии, который всей душой радел за развитие общественного сознания народных масс. *Санньясин* воспылил необъяснимой любовью к Рамдасу и сильно привязался к его особе.

Пребывание Рамдаса в Кундапуре совпало с разгаром сезона манго, и, естественно, посещавшие его друзья закармливали его спелыми плодами. При этом ему приходилось пить много молока, поступавшего от почитателей в большом количестве. В результате у него расстроился желудок и поднялась температура. Лихорадка взяла над ним полную власть, так как тело и так было ослаблено десятидневным голоданием. Но он не только не чувствовал недомогания, но впал в состояние невыразимого экстаза. Даже когда температура была на пике, он танцевал от радости, бившей через край.

Рам Бхатджи, не на шутку обеспокоенный, предлагал ему лекарства. Но Рамдасу не хотелось насильно выпроваживать лихорадку. Он принял ее как желанную гостью, в чьей компании превосходно проводил время.

– Почему ты считаешь, что ее нужно прогнать? – говорил он. – Пусть она отстанет от Рамдаса по своей доброй воле.

Он так и не притронулся к лекарствам и пылал в жару еще два дня. На вторую ночь он сообщил Раму Бхатджи, что утром хочет покинуть Кундапур.

– Ну уж нет, Рамдас, – решительно запротестовал тот, – я не позволю вам уйти, пока не спадет температура.

Дело в том, что Рамдас только что получил приглашение от Сандживрао из Эрнаулама – с просьбой приехать туда без промедлений. Он так и сяк уговаривал Рама Бхатджи отпустить его, но доктор был непреклонен.

– Ну, хорошо, – пошел на уловку Рамдас, – а если Рам к утру избавит его от лихорадки, ты разрешишь ему уйти?

Рам Бхатджи «клянул».

– Разумеется, – ответил он не задумываясь и пощупал пульс Рамдаса: температура была на пике. Он оставил его и спустился вниз. Но тревога за Рамдаса заставила его вновь подняться наверх в четыре утра и провести его. Осмотрев Рамдаса, он обнаружил, что лихорадки нет и в помине. Градусник показал нормальную температуру. Он был рад, но вместе с тем удивлен и озадачен, признав в конце концов, что «пути Его неисповедимы».

– Надо держать слово, Рам, – напомнил Рамдас. – Не позаботишься ли ты о местечке для него на самый первый автобус в Мангалор?

– Хорошо, – отозвался тот сухо.

В восемь утра Рамдас сидел в автобусе в сопровождении *санньясина* Рамчарана. Они проехали Удипи и к вечеру прибыли в Мангалор, где остановились на пару дней у Ситарамрао.

В один из этих дней Рамдаса и Рамчарана пригласили на обед в дом М. Рамрао (тестя Рамдаса по прежней жизни), у которого в то время жила матушка Рукмабаи. Рамчаран не подозревал о бывших семейных узах. Они пришли на обед и были приняты с большой любовью и теплотой как матушкой Рукмабаи, так и ее отцом. Когда они прощались, матушка спросила Рамдаса, когда ей доведется увидеть его в следующий раз, на что получила короткий ответ:

– На то воля Рама.

При этих словах ее глаза наполнились слезами. Рамчаран наблюдал эту сцену, и кто-то из родственников просветил его насчет отношений Рамдаса и матушки в прежней жизни. Рамдас

и Рамчаран вышли из дома, и на обратном пути Рамчаран с любопытством взглянул на Рамдаса и, усмехнувшись, заметил:

– Ты не простой *садху*. Ты огнеупорный и затверделый кирпич!

Что скажешь, весьма существенное замечание!

После краткого пребывания в Мангалоре он уехал на поезде в Эрнаулам.

Все делает Бог

На вокзале его встретил Сандживрао, брат Рамдаса по старой жизни. Он поселил его у себя дома в маленькой комнате. Еда его состояла из молока и фруктов. Он задержался в Эрнауламе почти на два месяца.

Здесь он приобщился к книгам, которые Сандживрао брал в городской библиотеке, и сделался ненасытным читателем. Он проглотил больше пятидесяти томов религиозной литературы. В частности, он прочитал увесистые фолианты перевода Упанишад Макса Мюллера¹⁰, Бхашью (Комментарии к Святым писаниям) Шанкарачарьи и т. д. Каждый день, кроме прочих друзей, ему наносили визиты местные сановники и известные юристы.

Среди самых знаменательных событий его пребывания в Эрнауламе стоит отметить кормление бедных. Это случилось следующим образом.

Однажды, когда друзья, как обычно, собрались у него в комнате, он вскользь намекнул, что им неплохо бы «сброситься» и устроить обед для неимущих. Они мгновенно ухватились за эту идею и собрали средства для кормления тысячи человек. Среди вкладчиков следует особо упомянуть одну щедрую душу, которая пожелала остаться анонимной. Этот человек внес основную долю в фонд милосердной акции. Он настолько непритязателен и скромнен, что совершает все добрые дела, не разглашая своего имени. Вот кто в полной мере усвоил изречение: «Левая рука не знает, что отдает правая»¹¹.

Церемония была назначена на ближайшее воскресенье. В. Йер – адвокат – взял на себя роль организатора. Стоял муссон, и зарядили проливные дожди. Местом действия был выбран двор секретариата городского суда, где была сооружена походная кухня и расчищено место для раздачи еды. К вечеру субботы все уже было готово, и повара начали варить угощение. «Меню» составили простое – рис, овощной суп и дал¹². Небо было сплошь затянуто темными тучами, и дождь лил как из ведра. Вечером В. Йер заглянул в комнату Рамдаса.

– Свами, никакой надежды на то, что дождь кончится, – пожаловался он. – Если так будет и завтра, кормить людей невозможно.

Когда ртов больше тысячи, разумеется, трапезу можно устраивать только под открытым небом.

– Не волнуйся, Рам, – утешил его Рамдас. – Предоставь это дело Богу.

К рассвету еда была готова, но ливень продолжался. Рано утром Йер снова забежал к Рамдасу, и на лице его было написано отчаяние.

– Что нам делать? – воскликнул он.

– Мы ничего не делаем, – напомнил Рамдас. – Всё делает Бог. Всю эту процедуру мы затеяли по Его воле. Теперь Его дело – позаботиться о том, чтобы она прошла успешно.

Начало обеда было назначено на одиннадцать утра. В девять дождь хлестал, как и прежде. Половина десятого, без четверти десять – ничего не менялось. Но тут случилось нечто странное: тучи начали постепенно редеть. Дождь прекратился, и небо просветлело. Через полчаса в безоблачной синеве ярко сияло солнце, будто в разгаре лета. Ровно в одиннадцать началась раздача еды. Рамдаса сопровождали к месту действия как наблюдателя. Зрелище несметных

¹⁰ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823–1900) – выдающийся немецкий филолог и философ, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии, один из основателей современного религиоведения.

¹¹ «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая» (Матф. 6:3).

¹² В оригинале – «обычная еда», так как в Индии большая часть населения питается просто: это рис, гороховый суп и овощное карри, или вместо риса – пресные лепешки. В большинстве многочисленных закусовых, которые можно встретить на каждом углу, подают «просто еду». Разнообразие в меню можно встретить лишь в заведениях выше рангом, куда ходят приезжие и люди побогаче. Но в 1930-е гг. преобладающей пищей простого люда была, конечно, «просто еда».

толп во дворе и на дороге заставило его сердце затрепетать от волнения. Обед прошел безупречно, без лишнего шума и толкотни. Всемогущий Бог вкушал еду тысячами ртов.

Один из друзей подсчитывал количество пришедших едоков, и оказалось, что их около трех тысяч. Еды, приготовленной на тысячу, хватило, чтобы накормить втрое больше народу! Многие, наевшись досыта, уносили лишние порции к себе домой.

Если есть в мире страна, где нищета и голод охватывают огромные массы населения, то это Индия. Спасение от этого бедствия – очищение умов и сердец эксплуататоров, как внутренних, так и внешних, от невежества и эгоизма. По существу положение угнетателя даже тяжелее, чем угнетенного, так как он сеет карму, чреватую суровым воздаянием. Только глубокое осознание равенства, основанное на чистоте восприятия и пробужденном духе жертвенности, может привести в мир гармонию, покой и счастье.

В обеде участвовали все прослойки бедняков и неимущих, включая так называемых неприкасаемых. В три часа раздача еды закончилась: все до единого были накормлены. Когда двор опустел, на землю слетелась огромная стая ворон и склевала все остатки риса. Правду сказать, в природной экономике вороны – лучшие мусорщики. Двор был вычищен самым добросовестным образом. Но самое удивительное, что к четырем часам небо снова заволочло тучами и дождь припустил не на шутку. Рамдас вернулся в свою комнату. Бог блестяще справился с задачей: накормил три тысячи человек обедом, приготовленным на тысячу, и во время раздачи еды остановил дождь на шесть часов.

Рамдасу помнится, что некоторые люди – участники и свидетели акции – приписывали ее успех ему, но он бесцеремонно прерывал их:

– Заслуга в том только Бога. Не превозносите слугу за то, что сделал хозяин.

Глава 3. Калади – Казарагод – на пароходе

Место рождения Шри Шанкарачарьи

В один из вечеров Рамдас был особенно опьянен экстазом. В тесном кругу друзей, в том числе В. Йера, он самозабвенно вещал о вселенском аспекте Бога. Йер жадно внимал его словам.

– Вся Вселенная насквозь пронизана Богом, – проповедовал Рамдас. – Видимые и невидимые миры – это всё Он, проявленный и не проявленный. Нет никого и ничего, кроме Него. Всё, все – только Он. Такова истина. Тогда какой смысл говорить обо «мне» и о «тебе», о «моем» и «твоем»? Всё – Он, и всё – Его.

Рамдас продолжал в том же духе. Слова лились из него неудержимым потоком. Он увидел, что комнату затопил блаженный свет и сидящие в ней люди стали прозрачными тенями. Несущие мощную силу слова и царящая в комнате атмосфера оказали удивительное воздействие на Йера. Лицо его озарилось нездешним сиянием и глаза заблестели от слез.

– Так значит, у меня нет ни дома, ни родных – куда же мне теперь идти?! – Отчаянный крик души всколыхнул все его существо и поверг в большое волнение. Он задрожал и покачнулся. Друзья тут же подхватили его, вывели наружу и уложили на скамью. С полчаса он пролежал в забытии транса, после чего вернулся к внешнему миру и твердым шагом направился к Рамдасу.

– Свами, я ухожу домой, – заявил он.

– Значит, ты вернул назад эго, которое ненадолго потерял, – с улыбкой отметил Рамдас. Тот кивнул и удалился.

Сандживрао и другие друзья предложили Рамдасу съездить вместе с ними в Калади, местечко, где родился великий Шанкарачарья. Это было совсем недалеко от Эрнаулама, в нескольких остановках по железной дороге.

Собралась компания примерно из двенадцати человек – друзей с их семьями. Доехав до деревеньки, они направились в сад на берегу реки Алвайе, где стоят два храма – Шарады¹³ и Махадева. Перед храмами на возвышении лежит побеленная каменная плита, упокоившая прах матери Шанкарачарьи.

Природа, вобравшая всю прелесть, простоту и умиротворенность деревенского пейзажа, пленяла своей красотой. Храм окружали густые рощи манго и хлебных деревьев, среди них вздымались высоко к небу кокосовые пальмы, кивающие в тон ветру своими хохолками. Святое место, скрытое в прохладной тени буйной зелени, было окутано дивным очарованием.

Брахман почтенного возраста, местный старожил, поведал гостям древние легенды и истории, связанные с Калади, а также рассказал о посещавших его знаменитых личностях. Ему выпала великая честь служения Свами Вивекананде, который в годы своей бродячей жизни проходил через деревню.

Хорошо известный эпизод из детства Шанкарачарьи, ознаменовавший его вступление в *санньясу*, произошел на берегу реки Алвайе. Шанкаре, тогда еще маленькому мальчику, претитла обычная доля мирянина, чреватая будничными заботами и желаниями, и он упрашивал мать благословить его на жизнь, всецело посвященную Богу, но мать не соглашалась.

Однажды, когда мать, как обычно, привела его к реке Алвайе для купания и он по колено зашел в воду, в ногу ему внезапно впелся крокодил и стал тащить его в глубину.

¹³ Шарада – ведийская ипостась богини знаний Сарасвати, которой поклонялся Шанкарачарья. Главный храм ее – в Шрингери, где находится первый матх, основанный Шанкарачарьей.

– Мама, мама! – закричал Шанкара. – Меня схватил крокодил и сейчас утащит на дно. Я тону, и он проглотит меня! Только одно может спасти меня: если ты разрешишь мне принять *санньясу*, крокодил отпустит мою ногу.

Могло ли вынести эту муку нежное сердце матери? Пусть ее сын станет отшельником, лишь бы был живым и вырвался из страшной пасти крокодила!

– Да, да, сынок, я согласна, – дала она единственно возможный ответ.

Крокодил отпустил мальчика и исчез. Тот вышел из воды целым и невредимым. Мать сдержала свое слово, и Шанкара стал одним из величайших философов, которых когда-либо видел мир.

Все паломники, включая Рамдаса, совершили омовение в священной реке и после *даршана* храмовых божеств вернулись в свои комнаты в *дарамшале*, где матушки приготовили обед под аккомпанемент духовных песен. В целом поездка оказалась замечательной. Тем же вечером они вернулись в Эрнаулам.

Во время его пребывания у Сандживрао вся семья – сам хозяин, его жена и дети – относились к Рамдасу с редкостной любовью и добротой.

Неприкасаемость – позорное пятно

Настал день, и внутренний голос позвал Рамдаса в Казарагод. Он известил об этом Анандрао в письме и попросил найти для него пристанище в уединенном месте. Просьба была исполнена, и в Казарагоде его поселили в крытую соломой хижину на холме Пиликунджи.

Он зажил здесь, питаясь молоком и бананами. Его снова навел раджа-йог, и ночами они вместе танцевали под звуки Рам-мантры. Позже к ним присоединился *санньясин* из Бунтвала. По вечерам с другими друзьями из города он тоже отдавался экстатической пляске под музыку Божьего имени во дворике перед хижинкой.

Рам пожелал, чтобы кормление бедняков состоялось и здесь, в Казарагоде. В этот раз Рамдас сам активно участвовал в сборе средств. Он посетил самых влиятельных людей города, а также принимал небольшие пожертвования от менее обеспеченных граждан. По его просьбе Анандрао занялся организацией. Обед назначили на субботу, местом действия было выбрано поле на холме Рамгири.

Все приготовления были успешно завершены, и к полудню на холме собралось больше тысячи человек, в большинстве – парии, сапожники и рыбаки. Хотя высшие сословия презирали их как «отверженных», даже между собой у них не было согласия! Явившись на обед, они сели в три разные линии. На тарелки из банановых листьев начали раскладывать еду, и Рамдас решил, что ему тоже нужно присоединиться к трапезе. Раджа-йог и новый *санньясин*, усевшись перед Рамдасом, ели вместе с ним с одной тарелки. Вкушая драгоценное божественное угощение, он испытывал невыразимую радость.

Для Рамдаса не существовало никаких различий. Идея превосходства или неполноценности по какому бы то ни было признаку происходит из вопиющего невежества. Это ложное понятие о неравенстве – причина всех войн, распрей и бедствий. Основа жизни и всех ее проявлений – единый внутренний Дух, и нет ни малейшего повода делить людей по признаку каст, сословий, убеждений и цвета кожи. Самое темное пятно, позорящее чистоту и красоту жизни на земле, – «неприкасаемость». Оно как мазок дегтя на белоснежном холсте. Только осознание единства всей жизни и общей сути всех ее внешних проявлений может привести к свободе, гармонии и миру.

Как-то раз к Рамдасу пришел его Гурудэв. В то время он жил в Казарагоде вместе со своим сыном Анандрао. Здоровый и крепкий от природы, теперь он страдал от старческих немощей и с большим трудом поднялся к хижине Рамдаса на холме. Он принес свежий кокос и сдобный домашний хлеб. Рамдас по-прежнему «сидел» на молоке и фруктах, но Гурудэв стал упрашивать его отведать сдобы. Рамдас отказался, умоляя простить его. Расстроившись, Гурудэв заплакал. Он вновь и вновь просил Рамдаса принять угощение, но Рамдас уперся и не поддавался уговорам. Он только выпил сок свежего кокоса. Посидев немного у Рамдаса, Гурудэв пустился в обратный путь. За этой сценой наблюдали шестеро посетителей, и одного из них сильно взволновало пережитое Гурудэвом разочарование.

– Вы говорите, что это ваш Гурудэв, и все же отказываетесь есть хлеб, предложенный им с такой любовью. – В голосе друга звучали нотки осуждения. – Как вы объясните это?

– Это всё Он – внутри и снаружи, – откликнулся Рамдас с улыбкой. – Голосом извне Он говорит: «Ешь», голосом изнутри Он говорит: «Не ешь». Рамдас всегда подчиняется внутреннему голосу.

– Почему «извне» Он говорит не то, к чему побуждает внут-ренним голосом? – Друг не был удовлетворен объяснением.

– Это Его непостижимая *лила*, – отвечивал Рамдас.

Дальнейших вопросов не последовало.

В один из дней неожиданно появился Рамчарандас – как с неба свалился. Он обзавелся тигровой шкурой отличной выделки и *йога-дандой*¹⁴. Юноша признался, что после странствий по Северной Индии ощутил непреодолимую потребность увидеть Рамдаса – и вот теперь он здесь.

– Свамиджи, один верующий подарил мне эту шкуру в Джанси, и, чтобы преподнести ее вам, я проделал с ней столь долгий путь, – гордо сообщил он. – Пожалуйста, примите ее.

– Но Рамдасу она не нужна, Рам, – возразил Рамдас. – Он обходится лишь той одеждой, что носит. Можешь оставить ее себе.

– Она предназначалась вам, и вы должны взять ее, – настаивал Рамчарандас. – Я буду носить ее для вас. – И он торжественно добавил: – Я последую за вами, куда бы вы ни пошли. На этот раз я не собираюсь покидать вас.

– А зачем тебе этот деревянный крест? – спросил Рамдас.

– Для медитации. Он здорово помогает сидеть прямо во время дхьяны, – объяснил он.

– Ты молодой и здоровый парень, зачем тебе зависеть от каких-то приспособлений? Это ненужная обуза, выброси ее, – посоветовал Рамдас.

Но Рамчарандасу явно не хотелось расставаться с *дандой*, и он произнес хвалебную речь в ее защиту. Впрочем, его желание вновь прилепиться к Рамдасу было не менее горячим.

Как раз в это время пришли две вести: что Гурудэв тяжело заболел и что Рамдаса срочно вызывают в Анджангаум. Мадхаврао прислал письмо с просьбой принять участие в девятидневной религиозной церемонии, в ближайшие дни намечавшейся у него дома. Вдогонку письму пришла телеграмма, где говорилось, что присутствие Рамдаса на торжестве жизненно необходимо. Изнутри поступил сигнал ехать в Анджангаум, но он колебался из-за серьезной болезни Гурудэва. В результате он задал вопрос самому Гурудэву, полагаясь на его решение.

– Как ты можешь оставить Гурудэва в таком состоянии? – прозвучал упрек, и эти слова положили конец его внутренней борьбе: он решил не откликаться на призыв из Анджангаума. В ответ на его сообщение Мадхаврао снова прислал телеграмму, умоляя Рамдаса не подводить его. На этот раз он полностью отдал проблему Раму, успокоился и стал ждать. Ходы Рама непредсказуемы!

На следующий день он пошел навестить Гурудэва и увидел, что тот чувствует себя гораздо лучше – мало того, окреп настолько, что встал с постели и ходит по дому. Рамдас спросил, не возражает ли он против его поездки в провинцию Шолапур. Гурудэв охотно дал свое согласие.

О Господи – как таинственны дела Твои!

¹⁴ *Йога-данда* («посох йога») – традиционный атрибут аскетов, крестообразная деревянная трость с закругленной опорой для рук.

Полицейский Гоа покорен

Перед отъездом Рамдас дал понять Рамчарандасу, что сопровождать его не имеет смысла. Но тот был упрям, как всегда.

Вечером Рамдас прибыл в Мангалор – разумеется, Рамчарандас неотступно следовал за ним. Было решено плыть пароходом в Бомбей на следующий день. В Казарагоде друзья позаботились о билете для Рамдаса. Он предложил Рамчарандасу остаться на холме Кадри и посвящать время медитации и общению с Богом. Но Рамчарандас не придавал значения совету. Ближе к ночи он покинул Рамдаса, надеясь добыть деньги себе на билет. Рамдас остановился у Ситарамрао, и его жена, тетюшка Рамдаса по «прежней жизни» – добрая, простая и чистая душа, прониклась трудностями Рамчарандаса и настояла, чтобы Рамдас взял у нее двадцать рупий ему на билет: она была уверена, что наутро они встретятся в порту Мангалора и Рамдас сможет отдать ему деньги.

Утром он высматривал Рамчарандаса в гавани, но не нашел его. Он сел на баркас, переправлявший пассажиров через реку, и поднялся на борт морского парохода. Что же бросилось ему в глаза в тот самый миг, как он вышел на палубу? Ясно – наш вездесущий Рамчарандас, скромно притулившись в уголке скамейки со своей знаменитой тигровой шкурой. Рамдас подошел и сел рядом. Йога-данда исчезла.

– Свамиджи, я приплыл предыдущим баркасом, – весело сказал он. Рамдас отдал ему деньги, пожертвованные доброй матушкой.

Пароход отчалил и наутро прибыл в Маргаон, порт провинции Гоа, где стоял около двух часов. В это время на борт поднялись несколько полицейских с целью проверки. Один из них, покидая пароход, бросил случайный взгляд на Рамдаса. Рамдас путешествовал на нижней палубе пассажиров третьего класса. Судя по всему, вид Рамдаса произвел на полицейского сокрушительное впечатление. Он остановился и, свесившись вниз с веревочных перил, пристально уставился на него. Он буквально не мог отвести глаз от Рамдаса, который, в свою очередь, с любопытством наблюдал за ним. Примерно через полчаса он пришел к Рамдасу.

– Идите за мной, вы оба, – сказал он.

Они подчинились. Полицейский привел их к намеченной цели: прямо в индийский ресторанчик в гавани. Он заказал чай и закуски для обоих и уселся на скамью напротив, жадно разглядывая их. Расплатившись за завтрак, он сопровождал их обратно на палубу парохода. Кроме первых нескольких слов, он не произнес ни звука. И всё остальное время – вплоть до той минуты, как раздался пароходный свисток, возвещая об отплытии, он молча глядел на Рамдаса, стоя за ограждением. Услышав свисток, он вздрогнул, поняв, что пора покидать пароход. Оглядываясь каждую секунду, он наконец спрыгнул на причал. Пароход покинул порт Гоа.

Друзьям в Бомбее заранее сообщили о дате приезда Рамдаса. В Бомбее он очутился в благословенном доме Сандживрао – благословенном оттого, что оба, Сандживрао и его жена – были воплощениями любви. Он просто захлебывался в ее водопаде. Соседи по дому и знакомые горожане приходили к нему и вдохновляли на беседы о величии Бога и Его имени. Вечерами звучали песни во славу Всевышнего. Дни, проведенные у Сандживрао, были наполнены чистейшим экстазом.

Пришло время покидать Бомбей. Вместе с Рамчарандасом они уехали вечерним поездом и после полудня прибыли в Ангар. На станции Рамдаса встретил Говинд Джоши и, не скрывая бурной радости, заключил в объятия. Он принес с собой молоко, и, выпив его, они пешком отправились в Анджангаум, где оказались еще до заката. На подступах к деревне Рамдаса с нетерпением ждали сотни сельчан, и во главе большой процессии он был препровожден к дому Мадхаврао, восторг которого не знал границ.

Глава 4. Анджангаум – Ангар

Откровенный бунтарь

Пребывание Рамдаса в Анджангауме сопровождалось замечательными событиями. Читатель, возможно, помнит, что он уже бывал здесь в предыдущем году и его поклонник – Мадхаврао Кулкарни¹⁵ – принимал его с большой теплотой и радушием. Празднество в его доме было посвящено девяти видам преданности (*нававидха-бхакти*¹⁶). Мадхаврао, представитель высочайшей касты брахманов, пригласил на церемонию больше двенадцати брахманов-*пуджари* для проведения священных обрядов. К Рамдасу и Рамчарандасу позднее присоединился Бхаванишанкаррао из Банга-лора.

Рамдас приехал к Мадхаврао всего за два-три дня до окончания праздника, длящегося обычно девять дней, и сразу после его приезда к нему ринулись толпы почитателей. Вышло так, что обитатели дома и горожане теперь проявляли интерес не столько к самой священной церемонии, сколько к нему, бродячему отшельнику, и оказывали Рамдасу высокие почести. Такой поворот событий явно не устраивал брахманов, и они выразили Мадхаврао свое крайнее недовольство. Бедный Мадхаврао оказался меж двух огней! Но несмотря на нападки брахманов, высмеивающих его верность Рамдасу, его любовь и уважение к нему не уменьшились ни на йоту.

Ситуация с каждой минутой становилась все более напряженной, и, как и во всяком сценарии, пришел черед неизбежной последней капли. По просьбе Мадхаврао и других гостей Рамдас начал раздавать *прасад*. Брахманы не желали принимать святое угощение из рук Рамдаса, но все же нашлись такие, кто весьма неохотно взял его. Один из брахманов, однако, пошел на откровенный бунт. Его тоже звали Рамдас, поэтому в рассказе он будет фигурировать как «брахман Рамдас».

– Я не намерен унижаться, принимая *прасад* из его рук, – с вызовом объявил он, вскочив со своего места и указывая пальцем на Рамдаса.

Эта дерзкая выходка оглушила Мадхаврао и его гостей, как внезапно взорвавшаяся бомба. Рамдас лишь улыбнулся и попросил Мадхаврао не обижаться на слова брахмана, так как они никак не задели его. Другие жрецы, сразу признав в брахмане Рамдасе храброго вождя, сплотились вокруг него и подняли объединенное знамя восстания.

Мадхаврао не на шутку перепугался. Над святой церемонией, до сих пор шедшей гладко, нависла страшная угроза. Мадхаврао прекрасно понимал, кто такой Рамдас, но был вынужден принять все меры, чтобы свести к минимуму его общение с брахманами и не давать повода для претензий и недовольства. Прежде за едой Рамдас сидел с брахманами на одной линии, теперь же Мадхаврао так ловко перестроил ряды, что для ревнивых нападок не осталось видимых причин. В результате этих ухищрений церемония завершилась без новых неприятностей, хотя до самого конца ситуация оставалась взрывоопасной. Что до Рамдаса, то он развлекался, наблюдая за ходом игры. История, однако, на этом не закончилась.

Рамдаса пригласили в соседнюю деревню Ангар, и брахман Рамдас отправился туда заранее и предупредил хозяина дома, где собирался остановиться Рамдас, чтобы тот не принимал его. Он внушил ему и другим почитателям, что Рамдас – самозванец, выдающий себя за *садху*,

¹⁵ Кулкарни – родовое имя, сродни титулу, говорящее о принадлежности к одному из высоких сословий брахманов.

¹⁶ *Нававидха-бхакти* – согласно индуистской традиции, преданность Богу включает девять аспектов, или ступеней (от слушания рассказов о Его славе до полного предания себя Богу). Торжество включает проведение жертвенных обрядов, богослужений, песнопений и т. д., для чего приглашаются жрецы-брахманы.

и, судя по всему, просто жалкий пария, не имеющий права находиться рядом с брахманами такого высокого ранга. Надо же, какие прекрасные новости про Рамдаса!

Но друг Бальвантрао из Ангара оказался чужд предрассудкам. Он познакомился с Рамдасом в его прошлый приезд в деревню и питал к нему самые нежные чувства. Он побежал в Анджангаум и забрал Рамдаса в Ангар. За ним последовало около пятидесяти человек, включая Мадхаврао и его домашних. Божественная любовь сделала свое дело в сердцах этих простых и бесхитростных сельчан. Пройдя три мили, Рамдас со спутниками достиг Ангара.

Брахман Рамдас тоже был там. Он пришел и сел рядом с Рамдасом, наградив его презрительным взглядом и всем своим видом демонстрируя враждебность и высокомерие. Вокруг Рамдаса быстро собралась внушительная толпа, и брахман, улучив момент, задал Рамдасу вопрос:

– Что такое *панчикарана*¹⁷?

Рамдас ответил, что не слишком образован и его знания о столь высоких материях скудны. Брахман саркастически рассмеялся и, возвысив голос, сообщил собравшимся, что только законченные глупцы могут припадать к стопам притворщика, чье единственное достоинство – чудовищное невежество. Этот резкий выпад не вызвал одобрения у слушателей и они смущенно понурили головы. Что до Рамдаса, то он улыбался до ушей, пребывая в покое и безмятежности. Сотни друзей устремились к дому Бальвантрао, осчастливив Рамдаса своим обществом. Их любовь – чудо из чудес. Раздраженный брахман сгорал от ревности.

День близился к концу. На следующий день был намечен большой пир. Брахман открыто отказался участвовать в нем и предложил провести вечером *харикатху*¹⁸. В таких случаях Рамдаса усаживали на почетное место посреди многочисленных зрителей и представление разыгрывали прямо перед ним. Традиция была соблюдена и в этот раз. Брахман Рамдас, неспроста задумавший *харикатху*, выступил с яркой обличительной речью, искусно избегая имен. В блестящих подробностях описав качества самозваных *садху*, он завершил *катху* грозной тирадой:

– Негодяи и жулики расплодились под масками *санньясинов* и *садху*. Остерегайтесь их! Только тупоголовые люди бегают за ними, носят их на руках и в конце концов падают жертвами их уловок и махинаций.

Свежая купель оскорблений лишь взбодрила Рамдаса и не нарушила его невозмутимости. Так пожелал Бог, и он с готовностью покорился.

¹⁷ *Панчикарана* – становление пяти элементов природы, сложное философское учение, объясняющее постепенное развитие пяти элементов из их тонких аспектов и их взаимодействие в процессе развертывания Вселенной из трех гун.

¹⁸ *Харикатха* – выразительное чтение историй и легенд о деяниях Бога, иногда с розыгрышем отдельных сцен и песнопениями.

Удивительное преображение

Через два дня его снова позвали на обед в дом благочестивого купца. Обычно он только пил молоко и ел совсем немного раз в два-три дня, когда его приглашали вместе с почитателями. Торговец пригласил и брахмана Рамдаса, но к назначенному часу тот не явился. Время шло, и все гости ждали его прихода. Торговец пошел искать его и наконец нашел, но тот согласился прийти только после долгих уговоров. Его лицо почернело и осунулось, вокруг запавших глаз залегли темные круги. Было ясно, что зависть быстро пожирает его. Рамдас искренне обрадовался, увидев его, и попросил купца подать ему обед в первую очередь.

– Нет, не надо! – крикнул брахман. – Я соблюдаю пост и сегодня ничего не ем.

Рамдас взмолился, чтобы тот отведал хотя бы несколько сладостей. Брахман немного поколебался и, к великому удовольствию Рамдаса, согласился попробовать сладкое. Ему тут же поднесли на тарелке шарики ладду. Рамдас попросил гостей не приступать к еде до того, как начнет есть брахман. Тот съел три или четыре ладду! Слава Тебе, Господи, Твоя любовь наконец-то победила!

Все заметили, что брахману не по себе. Его потрясло до глубины души, что взамен на грубость и ненависть ему предлагают любовь и доброту, и он внезапно удалился, не сказав ни слова.

На четыре часа была назначена *харикатха* в доме одного из почитателей. Для ее проведения пригласили старого *харидаса*¹⁹, жителя Ангара. Рамдас, конечно же, пошел на чтения вместе с Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. Надо отметить, что теперь эти двое после пяти вечера покидали деревню и удалялись на близлежащие холмы, где проводили ночи вдвоем в медитации и повторении Рам-нама. *Киртан* еще не закончился, когда их час пробил и они скрылись на холмах.

Вслед за этим случилось загадочное событие. Нескольким почитателям из Анджангаума не удалось увидеть Рамдаса на этот раз, так как они были в отъезде, но они встречались с ним в прошлом году и теперь спешили в Ангар в надежде на общение. Их путь лежал мимо холма, облюбованного Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. Как ни странно, поравнявшись с холмом, они увидели три фигуры, сидящие рядком: посередине – Рамдаса и по обе стороны от него – двух *садху*. Это зрелище их не удивило – они решили, что Рамдас отправился на вечернюю прогулку с двумя друзьями. Им не хотелось тревожить их, поскольку все трое были явно погружены в медитацию, и они пошли дальше в Ангар, уверенные, что Рамдас вернется до темноты.

Войдя в деревню, друзья услышали звон цимбал с *киртана* и по звуку без труда обнаружили сборище. Но каково было их изумление, когда их взору предстал сидящий на *киртане* Рамдас, которого они только что ясно видели на склоне холма! Он был одновременно в двух местах – на холме и на *киртане*! Это настолько ошеломило их, что они рассказали о пережитом опыте брахману Рамдасу. Он тоже присутствовал на *киртане* в роли слушателя. Чудесный эпизод оказал немалое воздействие на брахмана.

Около восьми вечера они встретились с Рамдасом, когда пришли пить свое молоко. Его отношение к Рамдасу к тому времени в корне изменилось. Он упал ему в ноги и горько зарыдал в приступе жестокого самобичевания. Осыпая себя бранью, он униженно молил о прощении. Рамдас спросил, что стряслось, и только теперь, из его уст, узнал историю о «раздвоении личности». Рамдас слушал, и волосы у него на теле стали дыбом, в глазах закипели слезы, и он задрожал от охватившего его экстаза. Он мог только еле слышно пробормотать: «Это волшебство Рама. Тайнственны дела Его». С этого дня и до самого отъезда Рамдаса брахман с радо-

¹⁹ *Харидас* – «Божий слуга», бхакта Хари (Кришны).

стью участвовал во всех торжествах и почти не отходил от Рамдаса. Ни от кого не укрылось, с какой любовью, добротой и чуткостью он относился к нему. Какое удивительное преображение! Очевидно, что нет силы могущественнее, чем божественная любовь.

Глава 5. Упалаи – Пандарпур – в поезде

Изгнание демона

Из Ангара Рамдас вместе с Рамчарандасом, Бхаванишанкаррао и многими другими двинулся в Упалаи, где его поселили, как и прежде, в доме Говинда Джоши. Здесь он три дня соблюдал пост и пил только воду. К нему стекались несметные толпы гостей. Желудок Говинда Джоши очень расстроило его голодание. Его материнское сердце болело за него. Несколько раз она пыталась уговорить его выпить хотя бы молока, но он не поддавался. Из своей бесконечной любви к Рамдасу Джоши подарил ему красную шерстяную шаль и шапочку из той же ткани. Стояла зима, и погода была холодной. Красная шаль перешла во владение Рамчарандаса.

Через три дня жители городка устроили пиршество в храме Витхобы. На обед приглашались люди всех сословий. Утром к Рамдасу пришел молодой человек по имени Марути, известный своим знанием Гиты и ее изысканным глубоким толкованием, и попросил Рамдаса посетить его дом. Рамдас согласился и отправился к Марути в сопровождении пятидесяти почитателей. Когда все разместились на открытой веранде, из дома вывели женщину и усадили ее на дворе прямо перед ним.

– Эта женщина одержима демоном, – сказал Марути. – Прошу, сжался над ней.

Рамдас пригляделся к ней. Длинные пряди распущенных волос в беспорядке разметались по плечам и рукам, лицо было неестественно красным, выпученные глаза дико вращались. Когда их взгляды встретились, она пронзительно завизжала и стала рвать на себе волосы. Рамдас попросил, чтобы все хором начали воспевать имя Бога. Воздух зазвенел, наполнившись мощным звучанием мантры. От этих звуков женщина пришла в неистовую ярость и вскочила на ноги. Из ее горла рвались душераздирающие вопли. Через четверть часа пение прекратилось, и она села на землю. Марути украсил Рамдаса цветочной гирляндой. Сняв ее, Рамдас спустился с веранды к женщине и, по наущению Рама, бросил гирлянду ей на шею, после чего, попрощавшись с Марути, вернулся в дом Говинда Джоши.

Вечером, когда пир закончился, Джанардан Пант, с которым Рамдас встретился в Ангаре, проводил *харикатху* перед храмом, собрав большую толпу слушателей. В разгар чтения Рамдас заметил, как какой-то старик пробирается через ряды, неся на руках ту самую женщину, якобы одержимую демоном. Он уселся вместе с ней на ступеньках храма позади Рамдаса. *Харикатха* длилась два часа, после чего Рамдас удалился в свою маленькую комнату в доме Джоши. Вскоре туда пришли старик с женщиной. Она поклонилась Рамдасу и села рядом с ним. В ее внешности произошли разительные изменения. Лицо дышало покоем, во взгляде опущенных глаз сквозила кротость. Губы шевелились не переставая, производя какой-то невнятный звук. Рамдас прислушался и разобрал тихие слова: «Рам, Рам, Ситарам» – святые имена, хором воспевавшиеся утром в доме Марути.

– Махарадж, – заговорил приведший ее старый родственник, – она убежала из дому вскоре после вашего ухода и помчалась так быстро, что мы еле поймали ее. Это была знатная пробежка, не меньше двух миль! Потом она устала и выдохлась, и когда мы наконец изловили ее, она громко закричала: «Нет, я не вернусь туда! Я не могу выносить присутствие этого святоши. Я ухожу». Я спросил: «Ты и вправду уходишь навсегда? Поклянись!» «Махадев, Хануман, Рама – мои свидетели. Я ухожу, я уже ушел!» Выкрикнув это, она упала без чувств, и мы на руках принесли ее домой. Теперь она снова стала собой, но все еще очень слаба.

Для Рамдаса демоны – это пагубные страсти, бушующие у человека в груди. Это они завладевают людьми и верховодят ими. Единственный способ изгнать их – пробудить истину внутри и озарить ум и сердце ее чистым лучезарным светом. Как тает темнота при появлении

света, так в присутствии чистого божественного духа, смягчающего сердце радостью и любовью, исчезают все демоны, населяющие ум.

Ближился Экадаши месяца *картик*²⁰, ежегодный праздник, пышно отмечаемый в храме Пандарпура. Многие почитатели собирались туда, чтобы вновь встретиться там с Рамдасом. Поэтому Рамдас покинул Упалаи вместе с Джанарданом Пантом и многими другими. По пути они остановились на ночь в Шетпале. Вечером местные жители собрались на *бхаджан* и *киртан*. Рамдасу довелось снова увидеть и обнять лавочника, насильно накормившего его во время его прошлого визита в Шетпал.

²⁰ Экадаши («одиннадцать») – одиннадцатый день после полнолуния и новолуния каждого лунного месяца в индуистском календаре. Считается особо благоприятным для аскезы и духовной практики; *картик* – название восьмого месяца индуистского календаря (23 октября – 21 ноября). Экадаши светлой половины карттика – святой праздник, посвященный Кришне.

Бог – это Любовь в нашем сердце

В Пандарпур они прибыли накануне Экадаши. Рамдас предпочел расположиться на ночь на берегу реки Чандрабхаги, и всей компанией они устроились на песке, в нескольких ярдах от воды. Ночь была холодной, с реки задувал пронизывающий ветер, и все бодрствовали до утра. В праздничный день к нему потянулась череда посетителей – друзей, с которыми он встречался в деревнях. Приходили и «новички», среди них – друг из Раджпута по имени Прем Сингх. Он был очарован Рамдасом и крепко привязался к нему. Весь день Рамдас соблюдал пост, только выпил немного молока.

Постепенно берег заполнялся паломниками. По случаю праздника по обе стороны реки скопилось не меньше *лакха* (ста тысяч) людей. Они держались группами, и некоторые разбивали шатры на песке. К вечеру сотни огней, зажженных у шатров, мерцали в темноте. Из тысяч глоток вырывалось имя Витталы, божества храма Пандарпура, у многих навесов затевались песнопения и пляски. Здесь и там тесные толпы людей рассаживались вокруг святых и внимали их проповедям о силе *бхакти*, читавшимся нараспев под звуки музыки.

Рамдас подсел к одной из групп *харикатхи* и с полчаса слушал беседу Дады Махараджа, святого из Сатары, известного во всей Махараштре. Из всего, что он услышал, одна фраза потрясла его как неоспоримая истина: «Не так важно любить Бога, как осознать Его в своем сердце как любовь». Рамдас вернулся на свое место, и тут же к нему подошел один из почитателей.

– Махарадж, – обратился он к Рамдасу, – днем к воротам храма Витхобы было не пробиться из-за огромных масс народу. Но сейчас, в полночь, доступ в святая святых открыт, и если вы хотите, я могу проводить вас на *даршан* Витхобы.

– Рам, – откликнулся Рамдас, – Рамдас и так видит перед собой Витхобу в тысячах обликах. Посмотри – вот Он сидит, стоит, расхаживает, танцует, поет во всех этих бесчисленных человеческих формах. Неужели ты думаешь, что Витхоба сидит только в каменной статуе храма? Пойми, что храм Витхобы – в твоём сердце и в сердцах всех людей и созданий. Поистине, Он во всем, Он – все.

Почитатель понял, что его услуги не требуются. На следующий день Рамдаса и его спутников – около пятидесяти человек – пригласил на обед брахман Дондо Пант из Пандарпура. После обеда Рамдас с шестью почитателями отправился пешком в Мохол. Вожакот отряда был житель Мохола, предложивший им свой гостеприимный кров.

Заслуживает внимания маленький эпизод, касающийся нового увлечения Рамчарандаса. Перед уходом из Пандарпура он подошел к Рамдасу и протянул ему четки из светлых бусин тулси.

– Свамиджи, я решил заиметь четки, чтобы с этого дня вести счет *джане*. Пожалуйста, переберите несколько бусин и верните их мне, – попросил он.

– Рам, тебе не требуется *джана-мала*, – возразил Рамдас. – Предполагается, что ты будешь читать божественную мантру повсюду без перерыва.

– Нет, Свамиджи, я чувствую, что мне нужна *мала*, – гнул свое Рамчарандас.

– Ну ладно, воля Рама, – сказал Рамдас. Когда он начал перебирать четки, они с треском порвались и рассыпались.

– Ну вот видишь, Рамчарандас, Свамиджи сказал, что тебе не нужна *мала*, и она порвалась! – воскликнул кто-то из сидящих рядом друзей.

– Подумаешь, – отмахнулся Рамчарандас, ничуть не смутившись. – Я куплю другую, покрепче. – Он убежал и вернулся с новыми четками из черных блестящих бусин.

– Вот, Свамиджи. Подержите их в руках несколько минут и отдайте мне. – Так и было сделано, и на этот раз четки вернулись к Рамчарандасу в целостности и сохранности.

С этой минуты Рамчарандас не выпускал *малу* из рук и с показным усердием перебирал в пальцах бусины. На пути в Мохол он то и дело сообщал Рамдасу об успехах.

– Свамиджи, сегодня я прочитал мантру пять тысяч раз! – гордо сообщил он вечером.

– Рам, – рассмеялся Рамдас, – по мере умножения твоих заслуг в *джане* твое эго, кажется, растет еще быстрее, хотя цель *джаны* – уменьшить его. Ты удивительный Рам!

Высшая цель жизни

На следующий день Рамдас участвовал в вечерней *харикатхе* в доме Джанардана Панта. На третий день его пребывания в Мохоле Бабуджи устроил званый обед для почитателей из Ангара, Анджангаума и Упалаи. Тем же вечером Рамдас уехал на поезде из Мохола в Бангалор вместе с Рамчарандасом и Бхаванишанкаррао. На вокзале Рамчарандас, несмотря на протесты Рамдаса, принял в дар от Джанардана Панта восемь рупий. Несколько друзей, среди них Джанардан Пант и Прем Сингх, доехали с ними до Шолапура, где предстояла пересадка на почтовый поезд до Бомбея. Но поезд был переполнен, и вагоны третьего класса набиты до отказа. Они метались от двери к двери, но их бесцеремонно отталкивали. Двое полицейских прониклись к ним сочувствием и бросились на выручку. Они рывком открыли дверь и потребовали, чтобы всем троим освободили сидячие места. Полицейские отличались обходительностью и добродушием. С чего бы это? Потому что Бог – во всех.

Поезд только-только отъехал от платформы, как толстый иранец, занимавший верхнюю полку, спрыгнул вниз и предложил Рамдасу взобраться на его место. Для пущего удобства на полке было расстелено толстое стеганое одеяло. Рамдас вежливо отказался от великодушного предложения, сказав, что предпочитает остаться на своем месте.

– Не позволите ли посидеть с вами несколько минут? – спросил иранец.

– Конечно, садись, – ответил Рамдас и подвинулся. Тот втиснулся между Рамдасом и Рамчарандасом.

– Дайте совет, – взялся он за Рамдаса, – как избавить ум от иллюзий и познать Бога? Как вызволить его из всей этой мирской суматохи, в которой он застрял? Я безнадежно погряз в привязанности к жене, дому, деньгам и имуществу.

– Ты уже поставил правильный диагноз своей болезни, – ответил Рамдас, – и ясно представляешь, как лечить ее. Прежде всего пойми, что Бог, которого ты ищешь, – у тебя внутри. Он жизнь и душа вселенной, и достичь Его – высшая цель жизни. Ты считаешь, что далек от этой единой сути, – отсюда всё зло и все беды. Стену, отделяющую тебя от Него, воздвигло твое эго. Твоя жажда познать Его – то есть увидеть, что твоя жизнь едина с жизнью вселенной, – должна стать сильной и острой. Тогда ты сможешь отдать Ему свое ложное «я», постоянно отождествляя себя с Ним. Для этого нужно медитировать, молиться и посвящать Ему все действия, не думая об их плодах. Это путь преданности, знания и самоотдачи. С каждым новым шагом твоя привязанность к миражам жизни будет ослабевать и ум освободится от иллюзий. Постепенно твое сердце наполнится божественной любовью, восприятие очистится и ты будешь видеть мир в едином свете. Твои действия станут естественным истечением твоего бессмертного существа, одаривая тебя истинной радостью и покоем. Это венец человеческих устремлений и осуществление цели жизни.

– Надо же, как ясно и выразительно вы преподносите истину! – обрадовался иранец. – Так хотелось бы побыть с вами подольше. Прошу вас, поедem ко мне в Секундерабад хотя бы на один день. Мои домашние будут так счастливы познакомиться с вами!

Рамдас не мог принять приглашения, так как следующий пункт назначения, Бангалор, уже был определен.

Глава 6. Бангалор – Бомбей

Садху-чародей

В Бомбее они на один день остановились в доме Бхаванишанкеррао в Маллешвараме. Рамдас попросил его найти для него какое-нибудь отдельное жилище, и ему был предоставлен пустой дом неподалеку, рядом с полотном железной дороги. В ближайшей округе о нем ходила слава как о «доме с привидениями».

Рамдас переселился на новое место вместе с Рамчарандасом. На унылом пустыре лепились друг к другу несколько заброшенных уродливых строений. Они выбрали самую просторную комнату в одном из них и расположились в ней.

Бхаванишанкеррао снабдил Рамдаса циновкой и двумя одеялами. Рамчарандас устроился слева от Рамдаса. Парень никогда не расставался с тигровой шкурой, и, признаться, во время их скитаний по деревням Шолапура она сослужила Рамдасу хорошую службу. Рамчарандас проворно расстилал ее всякий раз, как Рамдас ложился спать или отдыхать. Сейчас он тоже соорудил ложе для Рамдаса, раскинув шкуру поверх одеяла. Сам он красовался в ярко-алой шерстяной шали, в пальцах мелькали блестящие бусины четок. Его бесконечная любовь к Рамдасу проявлялась в радостном служении, и он ухаживал за ним как верная заботливая нянька.

Новость о приезде Рамдаса быстро распространилась, и к нему зачастили посетители из Бангалора и пригородов. Днем он ходил обедать и мыться в Маллешварам, в дом Бхаванишанкеррао. Его «банщиком» стал брат Бхаванишанкеррао, Садашиврао, взявший на себя эту роль из великой любви и нежности к Рамдасу. Когда он энергично намыливал Рамдаса, тот со смехом предупреждал:

– Осторожно, Рам, если ты будешь так сильно скоблить этот глиняный горшок (то есть тело), он разлетится на куски.

Как правило, Рамдасу подавали еду прежде других. Однажды хозяйка, варившая обед, забыла посолить гороховое карри. Рамдас проглотил еду, ничего не заметив, и упущение было обнаружено позже, когда за обед села вся семья. Они спросили его, почему он не попросил соли, попробовав безвкусное карри.

– Но он не почувствовал, что в еде чего-то не хватает, – признался Рамдас. – Честно говоря, его ум, различающий вкус, в тот момент отсутствовал.

Среди его гостей были поэт Чаттопадхья со своей одаренной женой Камаладэви. Они приводили с собой многих своих друзей, в том числе юного математика²¹ и его набожную мать. Поэту особенно полюбилось общество Рамдаса, и он просиживал у него часами. Будучи поклонником Сарасвати, богини красоты и возвышенных чувств, он был обаятелен и эмоционален и очень нравился Рамдасу.

Как-то вечером в разговоре с Рамчарандасом Рамдас затронул тему привязанности и чувства собственности.

– Привязанность к вещам чревата страхом и тревогой, от нее люди теряют покой. Чувство собственности держит твой ум в напряжении, и он отказывается концентрироваться на абсолютной истине твоего существа. Поэтому отбрось привязанность к предметам, которые имеешь при себе. «Владей вещами, но не позволяй им овладевать тобой». Принимая подарки, считай, что сам Бог дает тебе эти вещи, и в тот момент, когда выпадает случай расстаться с

²¹ В оригинале – «старший ранглер», выпускник Кембриджа, занявший первое место на экзаменах по математике.

ними, отдавай их с такой же радостью, с какой получал. Пойми, что ты всего лишь возвращаешь их Тому, кто дал их тебе. Относись так к любому приобретению и к любой потере. Господь дает, Господь же и забирает.

На следующий день, ближе к обеду, Рамчарандас сказал:

– Свамиджи, я хочу купить кое-какие религиозные книги на каннада. Можно, я схожу в город?

– Хорошо, Рам, – разрешил Рамдас, – но возвращайся быстрее и смотри, не забредай никуда на ночь.

Рамдас знал, что у Рамчарандаса имелись кое-какие деньги, отданные на хранение матери Бхаванишанкеррао. Маллешварам находился примерно в двух милях от центра города. На обратном пути, уже недалеко от Маллешварама, Рамчарандас повстречался на главной дороге с двумя *садху*. Они сказали ему, что ничего не ели с утра и будут премного обязаны ему, если он поможет им хотя бы четырьмя аннами. Рамчарандас потратил в городе всё, что взял с собой, но некий запас еще оставался у матери Бхаванишанкеррао, и Рамчарандас пообещал, что поможет им, если они пойдут вместе с ним.

– Но будет лучше, – огласил он условия сделки, – если сначала вы удостоитесь *даршана* махатмы, живущего неподалеку. Я отведу вас к нему, а потом уж точно добуду для вас обещанные деньги.

Садху не возражали, и он привел их у себя на «хвосте». Рамчарандас побежал вперед и объявил, в ликовании потирая руки:

– Свамиджи, я привел на ваш *даршан* двух *садху*!

– Прекрасно, Рам, – ответил Рамдас.

Садху вошли в комнату. Рамдас пригласил их сесть на свою циновку. Судя по их возрасту, один был гуру, другой – чела. Старший был средних лет, темнокожий, упитанный и хорошо сложенный. Он придвинулся к Рамдасу, переместившись на его циновку, а младший уселся на голом полу на почтительном расстоянии. Рамчарандас занял свое законное место.

Теперь Рамдас мог более внимательно рассмотреть детали внешности старшего *садху*. Мужественное лицо смелой и грубой лепки обрамляла короткая густая борода, пышные курчавые волосы, схваченные в хвост, длинными локонами свисали с плеча. Тело было крепким и мускулистым. Он носил короткий, облегающий жакет с рукавами до локтей, с шеи свисал толстый красный шнурок с одной бусиной *рудракиши*. К шнурку была привязана маленькая бутылочка. Запястья были унизаны железными браслетами. Его своеобразный акцент выдавал уроженца Тамил-Наду.

Удивительная лила

Действие первое

– Принеси мне соломинку, – потребовал *садху* без предисловий, поманив пальцем Рамчарандаса. Тот вышел и сорвал соломинку. *Садху* разломил ее на маленькие кусочки и попросил Рамчарандаса открыть рот. Рамчарандас подчинился, и тот бросил ему в рот горсть измельченной травы. Тут случилось невероятное: солома мгновенно превратилась в россыпь сухой гвоздики.

– Теперь принеси немного песка, – скомандовал *садху*.

Рамчарандас не заставил себя ждать. *Садху* зачерпнул горсть песка и снова велел ему открыть рот. Он насыпал ему в рот песок, и Рамчарандас с восторгом зажал зубами кусок пальмового сахара. Но, как станет ясно из дальнейшего рассказа, ему было не суждено веселиться слишком долго.

Проведя первый сеанс колдовства, *садху* взялся за Рамдаса.

– Послушай, у тебя такой исхудалый вид. Посмотри на меня: видишь, какой я мощный и здоровый? Я хочу, чтобы и ты стал таким же. Я могу сделать тебя крепким и сильным. Согласен?

– Махарадж, – Рамдас покаянно сложил руки, – Рамдас полностью удовлетворен нынешним состоянием своего тела. Бог сделал его таким, каков он есть, и ему не нужно ничего другого.

– Нет, нет, – не желал слушать *садху*, – тебе нужно потолстеть, не годится быть таким тощим.

Без лишних слов он снял со шнурка бутылочку и высыпал из нее на правую ладонь немного пепла.

– Открывай рот! – громко приказал он.

Рамдасу ничего не оставалось, как покориться. Пепел тут же оказался у него во рту.

– Глотай! – прозвучала следующая команда. Рамдас проглотил пепел.

– Пепел обладает особыми чарами, он превратит тебя в богатыря, – пообещал *садху* и отправил бутылочку на место. Далее разыгралось второе действие спектакля.

Действие второе

К вечеру сильно похолодало, и Рамдасу пришлось надеть шерстяную шапочку и закутаться в одеяло. Шапочка срочно понадобилась *садху*. Рамдас тут же снял ее и отдал ему. Тот попытался натянуть ее на себя, но голова его была гораздо крупнее, чем у Рамдаса, и шапка оказалась ему мала.

– Не подходит! – с досадой воскликнул он, возвращая шапку.

Не растерявшись, он потребовал одеяло, в котором сидел Рамдас, и Рамдас с готовностью вручил его *садху*. Повертев его в руках, он швырнул его обратно: одеяло оказалось не только колючим и грубым, но и слишком громоздким. Наконец глаза его остановились на тигровой шкуре. Пощупав ее, он убедился, что она гладкая и шелковистая, и в его взгляде, устремленном на Рамчарандаса, вспыхнуло возбуждение.

– Это очень хорошая шкура, – отметил *садху* и потянул за краешек, – дай-ка я рассмотрю ее получше.

Рамдас приподнялся, чтобы *садху* мог вытянуть из-под него шкуру. Лицо *садху* расплылось в довольной улыбке.

– Давай, забирай ее. – Он махнул своему челе. – Можешь накинуть себе на плечо, она мягкая и ничего не весит.

На Рамчарандаса было любо-дорого посмотреть. Парень изменился в лице. Теперь внимание *садху* переключилось на него. Он не потрудился заметить, какое отчаяние написано на его побледневшей физиономии, ибо следующим объектом его интереса являлась роскошная красная шаль, которую он пристально разглядывал. Он впился в нее глазами, и Рамчарандас, быстро сообразив, что последует дальше, решил, что лучше расстаться с шалью до того, как *садху* попросит ее. Одним движением размотав драпировку, Рамчарандас, как послушный воспитанный мальчик, положил шаль к ногам *садху*.

Садху оценил степень проницательности Рамчарандаса. Шаль, встретив новую счастливую судьбу, украсила второе плечо челы. Волнующие события отвлекли Рамчарандаса, и он выронил *джана-малу*. Теперь она во всей красе лежала на его сиденье, сверкая черными блестящими бусинами. Это зрелище приковало взор *садху*. Здесь надо сказать ему в оправдание, что он был человеком со вкусом – да что там, просто гениальным актером.

Без лишних церемоний – они и не требовались – он подобрал с пола *джана-малу* и, театрально отставив руки, растянул между ладонями. В следующий миг она уже висела у него на шее, грациозно свешиваясь на широкую грудь. Ухмыляясь до ушей, он всласть налюбовался собой и выразил неподдельную радость увиденным. Началось третье действие, кульминация драмы.

Действие третье

Рамчарандас обещал *садху* четыре анны. Пришло время потребовать их, и *садху* напомнил об обещании.

– Махарадж, – признался Рамчарандас, – деньги у матушки, которая живет в фарлонге отсюда. Мне нужно забрать их у нее.

– Не страшно, – проявил снисхождение *садху*. – Можешь пойти и забрать их. Я готов подождать твоего возвращения, мне это не составит труда. Ступай сейчас же, сынок.

Рамчарандас выскочил за дверь и уже через десять минут появился вновь, зажимая в руке маленький вязаный кошелек, в котором хранилось все его богатство. Должно быть, он бежал что есть ног туда и обратно.

Усевшись прямо перед *садху*, Рамчарандас развязал кошелек и, перевернув его, потряс над полом. С приятным звоном мелочь посыпалась на пол: четыре рупии серебром и монетка в четыре анны. Только Рамчарандас собрался подцепить четыре анны, чтобы отдать *садху*, как тот выбросил вперед правую руку, сграбастал все деньги своей огромной кистью и, зажав их в кулак, спокойно засунул себе в карман. Операция заняла не больше двух секунд. Бедный Рамчарандас задрал голову вверх и уставился в потолок, вертя в руках пустой кошелек.

– Рам, что ты жадничаешь? – упрекнул его Рамдас. – Разве ты не видишь, что кошелек ему нужнее, чем тебе?

При этих словах Рамдаса Рамчарандас оторвал взор от потолка и опустил голову. Последние следы веселья, вызванного вкусом сахара во рту, стерлись с его лица. Он вручил кошелек *садху*, и тот, наполнив его монетами, бережно опустил в карман.

Отыграв свою роль, он встал и, не придавая значения таким мелочам, как формальности прощания, удалился вместе с чело́й.

Все это время Рамдас с трудом сдерживал смех, ищущий выхода. Теперь плотину прорвало, и он безудержно хохотал несколько минут. Рамчарандас, поначалу угрюмый и задумчивый, в конце концов не утерпел и составил ему компанию.

– Свамиджи, – воскликнул он, – мне не так жалко, что он присвоил другие вещи, даже деньги, но правду сказать, когда он забрал тигровую шкуру, у меня схватило живот от острой боли! Теперь-то я понимаю, – добавил он, с любопытством глядя на Рамдаса, – что вы сами все это подстроили. На вид вы такой наивный, простой и скромный, а на самом деле все это – ваша *лила*. Ведь только вчера вечером вы читали мне нотацию о привязанности и чувстве собственности, а сегодня разыграли этот спектакль, чтобы преподать наглядный урок. Ясно, это ваша работа.

– Рам, ты просто чудо! – восхитился Рамдас. – Разве ты забыл, что сам привел сюда этих бродячих *садху* под видом того, что хочешь показать им Рамдаса, но на самом деле с намерением отдать им все то, что они забрали? Они-то точно пришли по своей воле. Так что и речи быть не может о каких-то потерях. Помни, Бог дает и Бог отбирает.

Вскоре после этого эпизода Рамчарандас, по совету Рамдаса, отправился в Северную Индию.

Пиршество в компании риши

Рамдас получал множество приглашений на обед. Он поставил условие, что будет принимать приглашения, если вместе с ним будут накормлены еще двенадцать *садху*. Пошла беспрерывная череда званых обедов. На одном из них, в доме математика Куппусвами Йенгара, присутствовал и хороший знакомец Рамдаса, поэт Чадопадхья с женой. Праздничный пир удался на славу. Богатый ассортимент из двенадцати *садху* являл собою живописное зрелище. Все сорта *садху* украшали застолье: *тилакдхари*, *джатадхари*, бритоголовый *санньяси* в оранжевом, *йогаданди*, *удаси*, *дашанами*, *бриджваси*, *рамананди*²² и т. д. Еду подавали в просторном зале внутри дома. Поэт и Рамдас сидели в одном ряду с *садху*. Оказавшись в столь изысканном обществе, поэт пришел в сильное волнение.

– Рамдас, мне кажется, что мы перенеслись в Древнюю Индию – эпоху *риши*. У меня чувство, что я делю трапезу с далекими предками!

Действительно, это было ни с чем не сравнимое переживание. После обеда *садху* разошлись, и Рамдас, немного посидев с друзьями, тоже вернулся в свое убежище.

Через несколько дней он снова занялся практикой *пранаямы*, на этот раз вместе с Бхаванишанкеррао. Рамдас усердствовал, не прекращая упражнений ни днем ни ночью. Как и в прошлый раз, на него напал ненасытный голод. Ему приходилось бегать за едой в дом к Бхаванишанкеррао дважды или трижды в день. Как-то раз, понукаемый волчьим аппетитом, он оказался на их кухне, когда хозяйка пекла рисовые пирожки. Он взмолился, чтобы она дала ему пирожков. Матушка была очень добра. Сначала она подала ему два, которые мгновенно исчезли у него во рту. Он хотел еще, и она кормила его, пока он не проглотил не меньше четырнадцати пирожков и в придачу – четыре чашки кофе и с полдюжины бананов. Кое-как заморив червячка, он вернулся в свой заброшенный дом и, усевшись на циновку, приступил к *пранаяме*. Через десять минут острый голод огнем опалил кишки. Он вновь припустил к дому Бхаванишанкеррао, со скоростью, на которую были способны его ноги, где снова с жадностью набросился на еду. Он сказал хозяевам, что в желудке у него, должно быть, поселился прожорливый демон Бакасура. Через некоторое время *пранаяма* прекратилась и аппетит стал нормальным, как прежде.

Рамдас прожил в Бангалоре больше двух месяцев, пока не раздался настойчивый зов из Джанси. Друзья из Джанси, с которыми он познакомился в свой прошлый приезд в город, прислали уже несколько писем, где жаловались, что сильно соскучились по Рамдасу. Он уехал из Бангалора в Казарагод. Бхаванишанкеррао и его домашние пришли провожать его на вокзал. Их любовь к Рамдасу была поистине беспредельной.

В Казарагоде он встретился с тамошними друзьями, в том числе – *санньясином* Рамчараном. Все они с нетерпением ждали его возвращения. После *даршана* Гурудэва он отправился в Мангалор в обществе Рамчарана. В Мангалоре они пробыли три дня и за это время посетили дом почитателя в Пентланд Петхе, где были приняты с любовью и добротой, а также несколько раз прогулялись к холму Кадри – памятному месту *садханы* Рамдаса в прошлые годы.

²² Разновидности *садху*, принадлежащие к разным ветвям индуизма и, соответственно, снабженные особыми атрибутами: с пятном на лбу (*тилакдхари*, вайшнав); с пучком спутанных волос (*джатадхари*, шиваит); носящий посох аскетов (*йогаданди*, йогин); не служащий никакому божеству (*удаси*); принадлежащий к одному из десяти традиционных орденов санньясы (*дашанами*); не принадлежащий к этим орденам (*бриджваси*); преданный Раме (*рамананди*).

У него нет ни гроша

Из Мангалора Рамдас морем отправился в Бомбей. Пассажиры парохода трогательно заботились о нем. В порт Бомбея пароход причалил вечером, и Рамдас, не разбирая дороги, побежал по ярко освещенным улицам города. Сандживрао не сообщили о его прибытии, и Рамдас не знал, как добраться до его дома в Гамдеви. Ему помог городской, дежуривший на одном из перекрестков. Хотя его приход явился для четырех полной неожиданностью, они с радостью приняли его. Оказалось, что всего за несколько секунд до его появления они разговаривали о нем. Рамдас остался в Бомбее на пять дней.

Матушка Рукмабаи в это время жила в Курле, пригороде Бомбея, у своей сестры. Ее дочке скоро должно было исполниться тринадцать лет. Они пригласили его в гости, и он навещал их. Рукмабаи привела девочку и усадила ее перед Рамдасом.

– Интересно, что ты думаешь о ее замужестве? Девочка уже выросла. – Вопрос был брошен прямо ему в лицо. – У меня нет ни единой пайсы²³, – добавила она запальчиво, – а ее надо выдавать замуж.

– Если ты утверждаешь, что у тебя нет ни единой пайсы, он, со своей стороны, должен признаться, что не имеет и медного гроша, – пошутил Рамдас и весело рассмеялся.

Матушка была крайне уязвлена этим ответом. В ярких красках она обрисовала зловещую картину его вопиющей безответственности и отсутствия понятия о долге. Рамдас выслушал ее с холодным безразличием.

– Почему тебя так волнует этот вопрос? – ответил он. – На все воля Божья. Все происходит так, как Он пожелает, и в назначенное Им время.

– Как ты можешь такое говорить? – перебила она с вызовом. – Не станешь же ты доказывать, что человеческие усилия ничего не стоят!

– Человеческие усилия нужны только для того, чтобы понять, что как таковые они совершенно бесполезны и только у Бога есть власть вызывать события и управлять ими. Тот, кто это осознал, прекращает прилагать усилия, и в нем начинается работать божественная воля. Он действует только по зову сердца, свободного от забот, страха и печали. К такой жизни нужно стремиться. Поэтому покорись Ему полностью и отдай Ему все проблемы.

Но матушку, судя по всему, не особо впечатлили его философские выкладки. Разговор был закончен, и вопрос о замужестве больше не поднимался. На следующий вечер он вернулся к Сандживрао.

Из Бомбея он поплыл на пароходе в Веравал. На борту его ближайшими спутниками оказались мусульмане, проявившие к нему большую доброту. Паренек из касты брахманов, работавший в корабельной чайной, тоже проникся симпатией к Рамдасу и подкармливал его. Все прочие пассажиры тоже были очень добры.

²³ Пайса – самая мелкая индийская монета, ходившая ранее в Индии (1/12 анны); анна – 1/16 рупии. В настоящее время самая мелкая монета – 50 пайс (полрупии).

Глава 7. Джунагад – Лимбди

Святые подобны детям

Утром пароход причалил к пристани Веравала, большого торгового порта. Рамдас вышел в город и сразу направился к вокзалу. По пути его остановил продавец молочной лавки и угостил несколькими чашечками молока. Подкрепившись, Рамдас дошел до вокзала, где встретил *санньясина*, и они вместе сели в поезд и доехали до Джунагада. В город они прибыли в десять вечера, и Рамдас пошел пешком в ашрам *санньясинов*, главой которого был Кашигириджи. Ашрам находился в полумиле от города. В этом ашраме ему посчастливилось жить три недели в свой прошлый приезд в Джунагад. Новая встреча с Рамдасом доставила большое удовольствие Кашигири. На следующий день Рамдас навестил Маганлала. Тот страшно обрадовался, увидев Рамдаса. Наверное, нужно напомнить, что, когда Рамдас приезжал год назад, Маганлал и Кантилал воспылали искренней преданностью к Рамдасу и относились к нему с любовью и вниманием.

Было решено, что Рамдас поселится в маленькой открытой хижине с соломенной крышей в саду ашрама. Там уже обосновались два *садху*, и он примкнул к ним. Один из них, Атмананд, носил длинную бороду, другой был гладко выбрит. Атмананд, толстый, спокойный и немногословный человек, обладал характерной особенностью: каждые пять-десять минут безмятежно смеялся чему-то, известному ему одному. Его совершенно не заботила чистота тела и одежды. Часами он тихо сидел на одном месте с отрешенным видом, утрачивая всякую связь с окружающим миром.

Другой, бородатый *садху*, был, напротив, деятельной натурой. Целые дни напролет он сутился, занятый какой-нибудь работой. По природе приветливый и жизнерадостный, старик выходил из себя, только когда его единственный сын приходил из города, чтобы подразнить его и затеять стычку. Тогда они наскakивали друг на друга, как два сердитых петуха. Рамдас без труда догадался, что эти частые ссоры были вызваны глубокой взаимной привязанностью – по сути, той единственной причиной, что стоит за всеми раздорами и оскорблениями в этом мире.

Оба *садху* были добры и радушны к Рамдасу. Стояла холодная зима, и вечерами они разводили огонь на полу в центре хижины. Два *садху* спали у очага под прямым углом друг к другу, и Рамдас, устраиваясь на ночь, образовывал второй угол. Маганлал каждый день навещался к нему в сад и забирал к себе домой на обед. Бородатый *садху* пек на камне лепешки для себя и Атмананда. Весьма часто их трапеза состояла из жестких роти, соли и нескольких стручков жгучего перца. Как-то утром муки голода, по-видимому, особенно сильно терзали Атмананда, и он спросил второго *садху*, не осталось ли чего-нибудь от вчерашних роти. Тот без лишних слов развернул салфетку с кусочками роти, напоминавшими обрезки серой резины. Атмананд набросился на них, закатав рукава. Сухие черствые корки исчезали у него во рту, как в бездонной пещере. У него были крепкие зубы, и он с легкостью разжевывал их. Чтобы побаловать свой язык, жаждущий свежей вкусной пищи, всякий раз, бросая в рот горсть безвкусной сухой «заправки», он повторял:

– Ладду-ладду-ладду, пури-пури-пури, джилаби-джилаби-джилаби, барфи-барфи-барфи.²⁴

Днем он пожаловался на колики в животе. Конечно же, твердые засохшие роти вывели из строя его пищеварение.

²⁴ Ладду – шарики из гороховой муки, масла и сахара, пури – жаренные в масле пшеничные лепешки, джилаби – сладость из муки, сливочного масла, йогурта, сахара и шафрана, похожая на хворост, барфи – мягкая слоистая халва с орешками.

– Я пошел к врачу, – объявил он и покинул сад. Вернулся он только к вечеру, бодрый и довольный.

– Махарадж, доктор дал тебе лекарство? – полюбопытствовал старый *садху*.

– Разумеется, – ответил он с мечтательной улыбкой. – Он дал мне четыре пилюли, и я проглотил все. Такие большие, поверишь ли, как крикетные шары – целых четыре ладду! Он прописал мне их, сказав, что это лучшее лекарство. Теперь я в полном порядке. Ну просто превосходные пилюли! – залился он счастливым смехом.

Однажды Маганлал отвел Рамдаса к знаменитому святому Джунагада по имени Вьясджи. Он был сухонький, маленького роста, на вид – лет семидесяти и отличался замечательным свойством: его морщинистая кожа испускала золотистое сияние. Святой оказался непосредственным и простодушным, как дитя, и Рамдас целый час наслаждался его обществом. Он проникся к Рамдасу большой симпатией.

– Как держать в узде неугомонный ум? – задал он Рамдасу традиционный вопрос.

– Постоянно повторять Божье имя, – без запинки ответил Рамдас, – и посвящать Ему все действия.

– К чему ведет эта практика? – Святой не претендовал на оригинальность.

– Она ведет к тому, что ты видишь Бога повсюду, а это означает блаженство и бессмертие. Ему понравились ответы, и он нежно обнял Рамдаса.

В другой раз Маганлал сопровождал Рамдаса в более далекое путешествие, в ашрам Мучкунд на пути к холму Гирнар. Рамдас останавливался там во время прошлого приезда в Джунагад. Сейчас в ашраме в одиночестве жила *санньясини*, которую все звали Матаджи.

Она была молодой женщиной, избравшей путь святости и аскезы. Лицо ее светилось покоем и внутренней чистотой, губы без устали шептали «Шивохам». Отшельница выразила большую радость, увидев Рамдаса. О Матаджи, слава, слава тебе! Рамдас и Маганлал пробыли в ашраме недолго, после чего отправились в обратный путь.

Кантилал со своим отцом жил в Лимбди, одной из провинций Катъявара. Узнав, что Рамдас находится в Джунагаде, он приехал, чтобы забрать его к себе домой, и Рамдас покинул Джунагад вместе с Кантилалом и Маганлалом.

Сахарные матушки

Лимбди – маленький суверенный штат, правит которым раджпутский принц из династии Такор-сахебов. Нынешнего монарха звали Даулат Сингх, и он славился своими либеральными взглядами и великодушием. Он показал себя как настоящий защитник интересов своих подданных, искренне радеющий за их благополучие, и они платили ему большой любовью.

В Лимбди Рамдас разместился в доме Кантилала, стоящем в маленьком узком переулке. Стоило вести о его прибытии разлететься по городу, и к дому потянулась нескончаемая вереница из сотен людей, представителей всех местных сословий. Ему наносили ежедневные визиты царские сановники, врачи, торговцы, мужчины и женщины средних и беднейших классов. Люди всех каст, вероисповеданий и сект шли к нему толпами, но в основном брахманы и джайны, составляющие основную массу населения штата. Рамдас принимал посетителей на втором этаже, в большом зале, устланном ковром. На ночь он удалялся в отведенную ему комнату наверху.

Сидя перед многочисленной аудиторией, Рамдас изливал душу в пылких речах о волшебстве и силе святого имени и о блаженстве Богореализации. Он говорил на языке любви и радости, и его слушали с восторженным вниманием. Он перешел на чисто молочный рацион, и, узнав об этом, сотни матушек с утра до полудня несли ему полные *лоты* молока – в таких количествах, что его вполне хватило бы для купания. Чтобы не обидеть никого из щедрых дарительниц, ему приходилось пригубить молоко из каждой *лоты* или, по крайней мере, окунуть в него палец и капнуть себе на язык.

В результате дом Кантилала быстро превратился в оживленный проходной двор, где царила суета с раннего утра до поздней ночи. Но Кантислал дал своеобразную оценку происходящему.

– Свамиджи, – сказал он, – благодаря вам наше скромное жилище стало настоящим храмом.

Принца Такор-сахеба оповестили о приезде Рамдаса, и он прислал одного из придворных, чтобы пригласить Рамдаса во дворец. Около одиннадцати утра за ним приехал экипаж и доставил его в царскую резиденцию. Его сопровождали Кантислал и Маганлал. Принц принял Рамдаса в небольшой, богато обставленной комнате. Он уселся на свое покрытое ковром ложе, остальные разместились перед ним на полу. Рядом с принцем сидела английская леди. Рамдас, не чувствуя стеснения, повел рассказ о своих приключениях во время странствий по Индии. Он говорил с непринужденностью ребенка, доверяющего любящей матери свои секреты, и, как выяснилось, такая мать сидела среди слушателей. Это была англичанка, мисс Элизабет Шарп, и в дальнейшем он будет называть ее «матушкой Элизабет», а Такор-сахеба – «Раджой Рамом». Радже Раму тоже очень понравилась откровенная и незатейливая повесть Рамдаса. Она настолько захватила его, что он утратил чувство времени и только в полпервого стал поглядывать на ручные часы.

– Ой, уже за полдень! – воскликнул он. – К часу я должен быть в своем кабинете в канцелярии.

Встречу пришлось закруглить, и Рамдас со своими молодыми друзьями вернулся к Кантислалу.

Он провел в Лимбди две недели, и каждый день Раджа Рам и матушка Элизабет приезжали за ним на машине и он проводил час или два в их обществе. Он говорил с ними о вечном счастье и любви, всегда одерживающей победу, сдабривая рассказ примерами из своей бродячей жизни. Они зачарованно слушали, забывая обо всем на свете. В чистом сердце матушки зародилась нежная любовь к Рамдасу, и она пригласила его на свою маленькую изящную виллу,

стоящую посреди прекрасного сада. Свою обитель матушка называла «Шри Кришна Ниваса». Какое доброе и любящее сердце!

Во второй половине дня «приемная» Рамдаса заполнялась женщинами. Среди них были две древние старушки, не пропустившие ни единого дня. Несмотря на старческую немощь, они с завидным упорством взбирались по лестнице на четвереньках и ковыляли прямо к Рамдасу, чтобы затолкать ему в рот большие куски тростникового сахара, за что Рамдас награждал их прозвищем «сахарные матушки». Глядя на него с умилением, они похлопывали себя по щекам и ласково приговаривали: «Родненький, любимый».

Как-то вечером Рамдас, приняв приглашение старой рани-сахеб, вдовы Такор-сахеба, отца Раджи Рама, посетил зенану – женские покои царского дворца. Его препроводил туда бывший деван (губернатор) Лимбди, благородный и скромный человек, по возрасту отошедший от дел. Рамдаса пригласили в маленькую комнату, где ему приготовили сиденье на возвышении. Кроме него и девана, там находился очень старый брахман. Соблюдая традицию²⁵, рани жила затворницей и, разговаривая с мужчинами, скрывалась за металлической ширмой, в которой было проделано много маленьких дырочек. Это позволяло женщинам видеть людей, сидящих снаружи, но их самих было не видно. Оказалось, что набожная матушка посвящала все послеполуденные часы чтению святых писаний. Она выразила желание, чтобы Рамдас что-нибудь сказал ей. Хотя он изъяснялся на хинди, слова полились бурным потоком. Около получаса он вдохновенно описывал тщету жизни, лишенной стремления к божественному знанию и любви ко всем созданиям. Когда он умолк, на пять минут воцарилось гробовое молчание. Потом из-за дырчатой ширмы раздался звонкий и хорошо поставленный голос рани.

– Подумать только, какая великая *вайрагья*²⁶! Как бы мне хотелось родиться мужчиной, а не женщиной, навеки запертой в золотой клетке! Будь я мужчиной, я могла бы жить, как он, свободно и счастливо.

Судя по всему, слова адресовались девану Сахебу и были приправлены изрядной порцией горечи. Добрая рани-сахеб угостила Рамдаса молоком и фруктами, и, попрощавшись, Рамдас отбыл и вернулся домой.

²⁵ Обычай (пурдах), соблюдаемый в мусульманских и некоторых индуистских общинах, предписывающий женщинам не открывать лица перед посторонними мужчинами и общаться с ними, сидя за ширмой, а выходя на улицу, закрывать лицо паранджой.

²⁶ *Вайрагья* – отрешенность от мира с его желаниями и привязанностями.

Из ловушки майи в ловушку Бога

Рамдас навел *санньясинов* в их ашраме, где был радушно встречен постоянными обитателями. По их просьбе он сказал несколько слов о Богореализации – в его понимании, единственной цели жизни.

Кроме того, ему выдалась возможность встретиться с *садху*-джайнами в их главном ашраме в Лимбди. Джайнизм считается таким же древним, как Веды. Его учение во многих отношениях напоминает буддизм. Постулат ненасилия в этой религии доведен до крайности. *Садху*-джайны носят специальную повязку, закрывающую рот, закрепляя ее на голове тонкими лентами, и всегда имеют при себе маленькую метелочку, которой подметают пол или землю, прежде чем сесть. Все эти предосторожности – для того, чтобы невольно не убить невидимых глазу мелких букашек. По этой же причине они пьют только кипяченую воду и никогда не едят у зажженной лампы, завершая вечернюю трапезу до заката. Согласно джайнизму, цель человеческого существования – освобождение и покой, а путь к этой цели – безупречная чистота образа жизни и ненасилие.

Рамдас с удовольствием провел полчаса с *садху* этого ашрама, после чего его отвезли в еще один ашрам, где собрались женщины из общины джайнов, чтобы послушать его речь. Видя этих добрых матушек, он был так счастлив! Он поднялся на невысокую трибуну и говорил без остановки три четверти часа о чистоте, любви и покое, весь наполненный невыразимым восторгом. Поездки в ашрамы организовали два уважаемых купца-джайна, щедрых на благотворительность, – Угарчанд Шет и Моханбхаи. Они прониклись глубокой симпатией к Рамдасу и настояли, чтобы он также посетил их дома.

Как-то раз, когда Рамдас приехал во дворец, Раджа Рам отвел его в свою комнату для *пудж*, где на алтаре были расставлены многочисленные изображения святых и *аватаров* Бога в серебряных рамах. Раджа Рам поклонялся Шри Кришне. Принцу было уже за шестьдесят, но он сохранял прекрасную форму, подчиняя свою жизнь строгой дисциплине, и был строен, здоров и силен. Он неизменно вставал в три часа утра и до рассвета совершал обряды и сидел в медитации.

Однажды принц пытался заставить Рамдаса принять от него дорогой подарок – шелковую шаль, но Рамдасу пришлось вежливо отказаться, напомнив ему, что такая роскошь пристала царским особам, а не бродячим факирам. Вся одежда Рамдаса состояла из одного дхоти. Хотя погода была по-зимнему холодной и ветреной, Рамдас был нечувствителен к ее неприятным сюрпризам, но материнское сердце английской леди болело за него. Она уговорила Раджу Рама подарить ему какую-нибудь неброскую теплую вещь.

Признаться, Рамдас был вполне доволен своим единственным дхоти, но Раджа Рам и матушка Элизабет так дружно надели на него, что он согласился обменять дхоти из домотканого хлопка на такой же отрез шерстяной ткани. Старое дхоти было торжественно разрезано пополам, и два куска разделены между ними как памятный приз. Но на этом матушка не успокоилась: ею завладела идея, что Рамдасу позарез необходима длинная шерстяная мантия. Не успел он оглянуться, как идея воплотилась в тяжеленную хламиду из толстого твида: Раджа Рам высоко ценил этот материал. По их настоянию Рамдас облачился в нее и пару раз подпрыгнул, вызвав их веселый смех. Это был первый и последний раз, когда он использовал мантию.

Вечера Рамдас проводил у Кантилала, в маленькой комнате на третьем этаже. Кантинал и Маганлал не отходили от него ни на шаг. Маганлал обладал блестящим чувством юмора и неподражаемо копировал ужимки гостей, навещавших Рамдаса, заставляя его смеяться до слез.

– Свамиджи, – заметил он как-то с хитрецей, – я внимательно слушал ваши поучения, но все не могу взять в толк, к чему вы клоните. По всему получается, что вы просто совершили прыжок из *майя-готалы* в *брахма-готалу*.

Последние слова означают: «Из ловушки иллюзии в ловушку Бога»!

Двое посетителей Рамдаса, доктор Шукла, брахман по касте, и джайн Чунибхаи были уроженцами Вадвана, другого суверенного штата Индии. Они предложили Рамдасу поехать с ними в Вадван на несколько дней. Он принял приглашение и покинул Лимбди.

Помимо этого, еще в Джунагаде Рамдас получил письмо и денежный перевод от Каширамбхаи из Сурата. Он просил Рамдаса приехать к нему на несколько дней после его странствий по Катъявару.

Глава 8. Вадван – Сурат – Джанси

Снова Рамчарандас

Рамдас приехал в Вадван. На первую ночь его устроили в пустом здании больницы. Маганлал не отставал от него, и в данный момент во всем мире у него не было никого дороже Рамдаса. Он следовал за Рамдасом как тень, с готовностью оказывая любую услугу. На второй день Рамдаса переселили в дом Чунибхай, и тут же начали прибывать посетители. Частым гостем стал д-р Шукла, ревностный и пылкий искатель истины. Губернатор штата, талантливый и добродетельный человек, тоже отнесся к нему с большой сердечностью. К тому же несколько друзей из Лимбди отправились вслед за ним, чтобы в Вадване увидеться вновь. Здесь Рамдас познакомился с *садхакой* Дживараджем, который жил за городом в маленькой палатке.

Неожиданно на сцене появился Рамчарандас со своим коронным предложением – вновь заступить на службу при Рамдасе.

Мулшанкер, старый брахман из Дхрангадры, пришел за Рамдасом утром, чтобы отвезти его в свой городок. У дома собралась изрядная толпа провожающих. Рамдас тронулся в путь. Было решено ехать в Дхрангадру на такси, и всей гурьбой они отправились на автомобильную стоянку. Обычно свободных машин было полно в любое время дня, но этим утром не было ни одной. Они прождали почти час, и на лицах друзей проступили знаки уныния и разочарования. Рамдас оставался жизнерадостным, как всегда. В конце концов всей процессией они двинулись назад, к центру города. На обратном пути Рамдас веселился и танцевал на виду у прохожих.

– Если покоряешься воле Всевышнего, исчезают все тревоги и огорчения, – подбадривал он друзей. – Понятно, чего Он хочет: чтобы Рамдас уехал отсюда на поезде.

Поезд, как по заказу, отходил в полдень. Рамдас со своей свитой прибыл на вокзал. Тут остро встал вопрос, стоит ли Маганлалу и дальше следовать за Рамдасом. Он не был дома уже три недели, с тех пор как они встретились в Джунагаде. К тому же теперь рядом с Рамдасом вновь был его верный помощник – Рамчарандас, и Рамдас попросил Маганлала вернуться к родным. В ответ тот помотал головой, дав понять, что совет никуда не годится и он намерен примкнуть к «конвою». Даже Рамчарандас задумался над задачей, но у Него, как всегда, нашелся способ «протолкнуть» свою волю.

– Послушай, Рам, – объявил Рамдас, – если ты решишь сопровождать его, он будет вынужден сидеть на голой воде до тех пор, пока ты остаешься с ним. Такова воля Рама. Что ты скажешь?

– Я сделаю то же самое, – не дрогнул Маганлал.

– Маганлал, – вмешался один из друзей, – ты славный парень, а выходит так, что, поехав с ним, ты заставишь его голодать. Брось нелепую затею и отступись, так будет лучше.

Тот упорствовал еще некоторое время, но наконец сдался. Со своими провожатыми Рамдас и Рамчарандас прибыли в Дхрангадру, где их встретил богатый торговец. Он проводил их в отведенное для них жилье на верхнем этаже склада, выходящего на главную улицу. Рамдас по-прежнему пил только молоко. И вновь к нему потянулись горожане – *садху* и домохозяева, мужчины, женщины и дети. Он говорил с ними на свою излюбленную тему – о преданности Богу.

Наутро в комнате внезапно возник Маганлал и как подкошенный рухнул к ногам Рамдаса. Он словно с неба свалился, так неожиданно было его появление. Всепоглощающая любовь к Рамдасу притянула его к нему, как магнит.

– Простите меня, Свамиджи, – жалобно произнес он, вставая с колен. – Я просто не мог устоять. Обещаю, что больше не буду докучать вам. Когда вы поедете в Сурат, я тут же вернусь в Джунагад.

Брахман Мулшанкер, кроткий старик с золотым сердцем, трепетал от любви к Рамдасу. Он чувствовал себя счастливым, только если мог прижать Рамдаса к груди хотя бы полдюжины раз на дню. Он рассказал, что только однажды ему выпала подобная честь: когда он обнял Махатму Ганди.

Рамдас пробыл в Дхрангад্রে недолго. Вечерним поездом они с Рамчарандасом уехали в Сурат. Вокзал Дхрангадры видел сцену прощания Рамдаса с твидовой робой, подаренной Раджой Рамом. Он всучил ее Мулшанкеру, а точнее, бросил ее ему на плечи, когда поезд уже отходил от платформы. Маганлал, сдержав обещание, вернулся к себе домой.

Щеголь Рамчарандас

Рамдас добрался до Рандера, местечка в пригороде Сурата, где жил его старый друг Каширамбхай. Он и его жена – благородная чета – встретили Рамдаса с нескрываемой радостью. Они вели уединенную жизнь, почти все время посвящая молитве, *пудже* и чтению писаний. Горе – лучшее средство от иллюзий, заставляющее ум повернуться к Богу, единственной истине, и осознать нереальность мирских уз. Взрослые дочери и сыновья умерли у них на глазах, оставив старым родителям лишь одно утешение – глубочайшую преданность Богу. Готовые носить Рамдаса на руках, они окружили его неусыпной заботой.

Однажды вечером Каширамбхай выбрал для чтения вслух умную религиозную книгу, где описывались семь уровней, или планов, духовного развития человека. Завершив чтение, он повернулся к Рамдасу и спросил:

– Можно я скажу вам, какого уровня вы достигли?

Рамдас озадаченно промолчал.

– Судя по данным здесь критериям, – он побарабанил пальцами по обложке, – я берусь утверждать, что вы миновали пятый уровень и почти одолели шестой!

Каширамбхай пребывал в шутовском настроении и поведал историю о двух *садху*. Его рассказ то и дело прерывался взрывами веселого смеха.

– Однажды в городок с двух разных сторон пришли два *садху*. Один уселся под священным фикусом, другой – под баньяном. Прослышав об их прибытии, набожный лавочник сначала направился к *садху* под фикусом и поклонился ему.

«Махарадж, – сказал он, – говорят, наш городок удостоил посещения еще один махатма. Вы знаете его?»

«Еще бы, – презрительно скривился тот, – я прекрасно знаю этого буйвола²⁷!»

Услышав это, лавочник пошел к баньяну, прихватив с собой охапку сена. Он положил сено перед вторым *садху* и почтительно склонился к его ногам.

«В чем дело? – сердито крикнул *садху*. – Что это за выходки? Зачем ты принес сено?»

«Это подношение вам, махарадж, – в смирении сложил руки лавочник. – Соизвольте откусать и даровать благословение вашему преданному слуге».

«Ты в своем уме? – вспыхнул *садху*. – Есть сено?!»

«Махарадж, тот *садху*, что сидит под фикусом на другом конце городка, был так добр ко мне, что сообщил, что вы на самом деле – буйвол. Вот я и подумал, что могу предложить вам подобающий дар», – кротко пояснил лавочник.

«И ты поверил ему? – возмутился *садху*. – У тебя совсем нет мозгов!»

«Махарадж, смеет ли ваш слуга, ничтожный и неграмотный человек, заявлять, что знает *садху*? Только махатма может понять другого махатму».

«Тогда пойди к нему и скажи, что он осел», – в сердцах ответил *садху*.

Не теряя времени, лавочник отправился на рынок, купил сир²⁸ семян хлопчатника и, завязав их в узел, пошел к первому *садху*, сидящему под фикусом. Он развязал узел, высыпал содержимое перед *садху* и простерся у его ног.

«Эй, что это значит? – опешил *садху*. – Чего ради ты высыпал здесь эту кучу зерна?»

«Но, махарадж, это же ваш любимый корм! Сделайте милость, примите скромное подношение и воздайте ему должное, порадуйте своего преданного слугу», – взмолился лавочник.

²⁷ К буйволам в Индии относятся не с таким почтением, как к священным коровам, и считают их ленивыми, неповоротливыми и тупыми животными. В русском языке аналогом пренебрежительного прозвища «буйвол» может служить «боров» или «корова».

²⁸ Сир – индийская мера веса, 900 г.

«С тобой все в порядке? – не на шутку испугался *садху*. – Что ты плетешь – есть зерно!»

«Почему нет? Махарадж, тот *садху* под баньяном открыл мне секрет, что вы – осел. А ведь для осла нет ничего вкуснее зерна хлопчатника, вот я и...»

«Дурак! – в ярости взревел *садху*. – Ты что, не видишь, что я не осел?»

«Откуда мне знать, махарадж, – мне, бедному человеку, пойманному в сети *майи*? Ведь говорят, что только махатма может узнать махатму», – ответил лавочник, и в уголках его губ промелькнула лукавая улыбка.

Садху окончательно вышел из себя и вскочил со своего места.

«Бхактарадж, – грозно произнес он, – сейчас же отведи меня к этому махатме. Я научу его, как говорить с почтенными людьми!»

Махатмы встретились и набросились друг на друга с кулаками. Лавочник наблюдал увлекательную сцену со стороны. В тот день им так и не удалось раздобыть себе подходящей еды!..

Городок Рандер стоит на берегу реки Тапти. Рамдас ежедневно ходил купаться на реку в сопровождении Рамчарандаса. Во всем, что касалось мытья, Рамчарандас обрел неограниченную власть над Рамдасом. Иногда он заходил так далеко, что прибегал к угрозам, как мать, запугивающая непослушного ребенка.

– Свамиджи, – строго говорил он, – здесь вам нельзя купаться, зайдите с этой стороны.

И он хватал Рамдаса за руку и буквально тащил его в воду. Заведя его в реку по колено, он принимался тереть и скрести его, как конюх, чистящий свою лошадь. Нет никакого сомнения, что Рамчарандас делал это из великой любви к Рамдасу, живущей в его сердце. Через несколько дней Рамдас обнаружил, что на берегу реки он полностью утратил свободу действий.

– Рам, – смиренным голосом сказал он Рамчарандасу как-то утром, – в своем обращении с Рамдасом ты похож на племянника Рамакришны Парамахамсы. Говорят, он так же, как и ты, тиранил святого, наивного, как дитя. Но в конце концов Шри Рамакришна отослал его восвояси. Вот и Рамдас попросил бы тебя отпустить его и оставить в покое. – Рамдас просительно сложил руки.

Рамчарандас нахмурился, но промолчал.

В Рандере он зачастил на рынок и завел многочисленных дружков среди торговцев. После одного из походов он подступился к Рамдасу с предложением:

– Свамиджи, мои друзья хотят подарить мне одежду. Я мог бы взять что-нибудь и для вас. Что нам нужно?

– Мы бродячие *садху*, и самая подходящая одежда для нас – грубая кхади²⁹. Она прочная, долго не снашивается и годится на все случаи жизни. Что до Рамдаса, у него уже есть одна и больше ему не нужно.

На лице у Рамчарандаса было написано, что он не разделяет этого мнения. Он убежал на рынок и вернулся только вечером. Какое же зрелище предстало перед Рамдасом? Франт, одетый с иголки! Длинная рубашка из тонкого муслина с блестящими пуговицами, на ногах – парусиновые туфли на резиновой подошве. Он небрежно помахивал модным дорогим зонтиком.

– Рам, ты знаешь, что Рамдас – нищий факир. – Рамдас отвесил поклон нарядному щеголю. – Ты же теперь превратился в сахеба. Может ли у факира быть что-то общее с сахебом?

Рамчарандас был не силен в красноречии. Он лишь усмехнулся, пропустив мимо ушей замечание Рамдаса. Парень всегда поступал по-своему.

Рамдас получил приглашение от друзей в Джанси. К письму был приложен один билет на поезд. Было понятно, что он поедет в Джанси один. Рамдас огласил ситуацию Рамчарандасу и встретил бурный протест.

– Вы только и мечтаете отшвырнуть меня! – воскликнул он с горечью.

²⁹ Кхади – дмотканая плотная хлопчатобумажная ткань.

– Это Божья воля, Рам, и тебе придется покориться ей, – сказал Рамдас. – И учти, это приказ не только мне, но и тебе: странствовать одному и набираться опыта самостоятельно. Рамдас посоветовал бы тебе отправиться на берег Нарбады и вдохнуть возвышенной атмосферы этого святого места.

Кришна, Христос и Будда

Настал день отъезда из Сурата, и Рамдас сел в поезд, идущий на север. Рамчарандас проехал с ним несколько остановок, после чего покинул Рамдаса. В Уджайне ему пришлось прервать путешествие. Он провел ночь в *дарамшале*, а утром поехал дальше. В поезде он познакомился с молодым мусульманином. Тот сидел рядом с Рамдасом и поделился с ним своими несчастьями. Рамдас сказал ему, что предание себя Богу – панацея от всех бед. Друг хотел узнать, как обуздать беспокойный ум. Рамдас предложил ему читать Рам-мантру.

В Бхопале поезд стоял полчаса, и мусульманин раздобыл для Рамдаса молока и фруктов. Он ехал только до Бхопала и попрощался с Рамдасом, унося с собой Рам-мантру, теперь не сходящую с его губ.

В Джанси поезд пришел в полночь, и до утра Рамдас сидел в бараке для пассажиров третьего класса. Ранним утром он отправился к центру города, находящемуся в двух милях от станции. Целью его был дом Махадева Прасада. При виде Рамдаса тот затрясся от радости. Он упал ему в ноги, исцеловал их и, поднявшись, прижал Рамдаса к груди. Не в силах сдержать бушевавших в сердце чувств, он вновь и вновь стискивал его в своих объятиях, и слезы ручьями текли по его щекам.

Миновало уже больше двух лет с тех пор, как Рамдас несколько месяцев жил под его гостеприимным кровом. Не выразить словами, с какой любовью и добротой заботился о нем тогда Махадев Прасад! Судя по тому, как он встретил Рамдаса на этот раз, все это время он сильно тосковал из-за разлуки с ним.

Вечером Рамдас встретился с Рамкинкером – тем верным другом, кто с таким ангельским терпением нянчился с Рамдасом во время его путешествия в Бадринараян. Он пришел в безумный восторг при виде Рамдаса. Было решено поселить его в Рам-мандире, где он жил в прошлый приезд, и Рамкинкер отвел его в храм. Там по-прежнему обитал старый *пандаджи*³⁰. Он вышел навстречу Рамдасу и от волнения задрожал всем своим громадным телом. Старик долго не мог оторвать Рамдаса от груди.

На следующий день, прознав о его приезде, старые друзья во множестве устремились к Рамдасу. Вечерами в храме собирались толпы, и Рамдас оглашал им – на английском, так как его хинди все еще хромал, – свое послание о любви и радости. Его обступали с вопросами приверженцы разных учений и культов – кто-то с целью прояснить сомнения, а кто-то – навязать свои взгляды. Он признавал все точки зрения и без труда примирялся с ними – ведь как ни крути, все это пестрое шоу на мировых подмостках было поставлено Всевышним. Он сделал Рамдаса зрителем, чтобы он смог полюбить Его во всех и во всем.

Рамдас посетил «Базар Сипри», где тоже встретил многих друзей, и вернулся назад в храм. Но вскоре он ощутил желание перебраться за город. Местечко, где ему нашли жилье, называлось Аткамба, «восемь башен». Маленький домик, состоящий из одной комнаты и веранды, стоял на безлюдном берегу озера Лакшми-талао. Рядом с озером возвышалась мечеть из красного камня с восемью минаретами и изящно закругленной луковицей купола – наследие архитектуры Великих Моголов. С верхних ступенек открывался изумительный вид на озеро, в тихой воде которого, как в чистом зеркале, отражался противоположный берег.

Домик Рамдаса укрывался в тени развесистого священного фикуса. Под деревом в каменном открытом гроте стояла небольшая статуя Ханумана, по традиции выкрашенная в красный цвет. Рамдас жил в Аткамбе больше месяца. По вечерам здесь тоже собирались толпы народу. Рамкинкер ночевал в домике вместе с Рамдасом. Махадев Прасад не пропустил ни одного вечера. По утрам Рамдас иногда пускался в долгие прогулки по холмам. На одном из холмов

³⁰ *Пандаджи* – уважительное обращение к пандиту – ученому-богослову касты брахманов.

он набрел на руины храма богини. Осколки ее статуи из белого мрамора валялись на земле. С вершины холма он обозревал необъятную панораму окрестностей Джанси. Он часами просиживал здесь, обдуваемый свежим ветром, и ничто не нарушало его медитацию.

Несколько раз он ходил в Шьям Чоплу, лесной храм вдали от города, где жил старый подвижник. Его детское простодушие притягивало Рамдаса. Святой любил рассказывать о своих странствиях в молодые годы и выпавших на его долю волнующих переживаниях. К храму примыкали два священных водоема. Они содержались в чистоте и порядке, и для святых омоений приходило много паломников из города.

Рамдас удостоился чести познакомиться еще с двумя божьими людьми – святым Нирбхаянанджи и его супругой Пурнананджи. Оба приняли *санньясу* и носили оранжевую одежду – образцовая пара, посвятившая себя служению Всевышнему. Их постоянной обителью был широко известный ашрам *санньясинов* «Пиликоти» на горе Читракута. В Джанси они жили в маленьком пригородном домике с садом. Оба были исключительно добры к Рамдасу. Матушка Пурнананджи – поистине сама любовь и чистота.

В связи с этим Рамдас считает необходимым напомнить, что для него нет «нечистых» или «грешных», хотя он и может упомянуть об особенной чистоте и праведности того или иного человека, с которым сталкивала его жизнь. Его задача – просто дать хронологический отчет о своем опыте и осветить события, происходившие с ним и встречавшимися ему людьми. Он преподносит свою историю с позиции бесстрастного наблюдателя божественной игры, ибо мир – это Его проявление, и Он выражает себя в мириадах форм и принимает самые разные облики. Зрение Рамдаса не затуманено различиями, и он питает равную любовь ко всем, будь то святой или грешник. Он не видит никакой разницы. Все роли в мировой драме играет только Бог.

Англичанин Аббот захотел увидеться с Рамдасом и привез его в свое бунгало. Аббот и его сестра, пожилая женщина, приняли Рамдаса на веранде. Английская леди с благоговением заговорила об Иисусе Христе и его учении. Рамдас всей душой приветствовал ее славословие божественному учителю. Но ее религиозный пыл завел ее так далеко, что она с высокомерием отозвалась о Кришне, Будде и других гениях духа.

– Матушка, здесь Рамдас никак не может согласиться с вами, – сказал он. – В его глазах Шри Кришна и Будда стоят так же высоко – если даже не выше, – как Иисус. Вы говорите о них так, потому что не постигли их. Точно так же есть и индуисты, пренебрежительно отзывающиеся о Христе, не имея представления, кто он такой.

Матушка атаковала позиции Рамдаса, пустив в ход армию контраргументов. Но Рамдас не принял боя и сохранил молчание. Аббот был недоволен тем, как его сестра разговаривает с Рамдасом, и попытался урезонить ее. В конце концов она успокоилась, и Рамдас распрощался с ними.

Рамкингер и другие друзья в Джанси предложили Рамдасу подучить разговорный хинди, поскольку многие люди, приходившие послушать его, не знали английского. Они чувствовали, что многое теряют, не понимая смысла бесед. Один из друзей вызвался подтянуть его в хинди и снабдил Рамдаса школьным учебником первого класса, грифельной доской и карандашом. Рамдасу казалось, что его только что приняли в «приготовишки». Он быстро делал успехи: за десять дней прошел учебник первого класса, а за следующие пять – второго. Потом он начал читать простые книжки на хинди – Бала Рамаяну, историю Самартхи Рамдаса и Гита-санграху³¹.

Приближался Рам-навами, святой день явления Шри Рамачандры, и Рамдас подумывал о том, чтобы встретить его в Читракуте, где, как говорили, по традиции устраивается гранди-

³¹ Бала Рамаяна – Рамаяна для детей; Самартха Рамдас (1608–1682) – великий святой и поэт Махараштры, преданный Раме и Хануману, учитель царя маратхов Шиваджи; Гита-санграха – краткий облегченный вариант Бхагавадгиты.

озное празднество. Вскоре пришел день, когда он объявил своим друзьям в Джанси, что собирается уехать вечерним поездом. Рамкингер и другие друзья пришли провожать его на вокзал. Рамдасу предстояло путешествовать в одиночку.

Глава 9. Читракут

Отречение лавочника

Перед отъездом Рамкингер сказал, что не хочет отпускать Рамдаса одного и нужно найти ему спутника, который присматривал бы за ним. На эту роль вызвался банья (мелкий лавочник), стоявший рядом с ними у вагона.

– Я тоже еду в Читракут, – объявил он, – и был бы счастлив сопровождать его и служить ему.

Предложение было принято, и Рамдас с баньей уселись рядышком. Поезд отъехал от платформы. У баньи имелись стеганое одеяло и *лота*. Он расстелил одеяло на полке и, уложив на него Рамдаса, стал массировать ему ноги. Оказывая эту услугу, он изливал душу Рамдасу.

– Махарадж, мне опротивела мирская жизнь. Я устал от всех этих хлопот и напастей и тоже хочу стать *садху*. Возьмите меня под свою защиту и считайте своим учеником.

– Рамджи, – ответил Рамдас, – в мире нет ничего плохого. Это просто неверный настрой твоего ума. Нет никакого смысла давать обет отречения, пока твой ум не охватила острая потребность сорвать покров иллюзии, прячущий Истину у тебя внутри. Иначе ты просто угодишь из огня да в полымя. Нам нужно научиться верному отношению к жизни и миру, только в этом истинное счастье. А чтобы правильно относиться к миру, нужно правильно видеть его. Это видение приходит в процессе постижения Истины, или Бога. Если ты просто отвернешься от мира, то не придешь к освобождению и покою. Взгляни в себя поглубже. И свобода, и радость – в тебе самом. Нужно только победить вожделение, гнев и жадность. Не цепляйся за Рамдаса, он не гуру. Он может показать тебе, где путь, но пробиваться по нему и бороться с препятствиями тебе придется самому. Так что стань учеником Истины.

Похоже, проникновенная речь заставила ум баньи лихорадочно заработать. За весь вечер Рамдасу не удалось вытянуть из него ни слова. Он как воды в рот набрал, и по его виду было невозможно понять, дошел ли до него смысл сказанного. Ночь прошла, и ранним утром поезд прибыл на станцию Читракут. Рамдас и банья вышли в город и двинулись к гряде холмов. Им предстояло одолеть три мили, и по пути между ними вновь завязалась беседа.

– Рамджи, занимаешься ли ты какой-нибудь *садханой* для концентрации ума? – спросил Рамдас банью.

– Ну а как же. – Банья почувствовал себя задетым. – Иногда я повторяю Божье имя.

– «Иногда» не годится, – возразил Рамдас. – Имя нужно повторять беспрестанно и следить, чтобы поток мыслей о Нем не замирал ни на секунду.

– Лично у меня с этим делом все в порядке, – отрезал банья.

– Рамджи, оставь Рамдаса в покое, – сделал попытку Рамдас. – Ступай своей дорогой, так как Рамдас – одинокий бродяга.

– Нет, нет, – всполошился банья. – Я не собираюсь бросать вас.

– Путь, избранный Рамдасом, чреват страданиями и опасностями. Он храбр и не боится смерти. Ты не представляешь, какие невзгоды и лишения ожидают его спутника, – увещевал его Рамдас.

– Я тоже ничего не боюсь, и как бы вы ни жили, могу приспособиться к любым условиям. Я твердо решил разделить с вами свою судьбу, – торжественно провозгласил банья.

Рамдасу оставалось лишь покориться. Так пожелал Бог. Они достигли центра города и вышли к набережной реки Мандакини. На главной *gate*³², где совершали омовение паломники, Рамдас уселся на низкий облезлый помост. Приступ *вайрагьи*³³, напавший на банью, был в разгаре. Он скинул рубашку и, подозвав проходившего мимо брадобрея, сел на каменную ступеньку, скрестив ноги.

– Обрей меня наголо, – велел он брадобрею. – Я вступаю в *санньясу*.

– Не за того меня принимаешь, – почуял опасность цирюльник. – Я не собираюсь становиться твоим сообщником и накликать на свою голову проклятия твоей жены и детей.

– Брат, не думай о таких пустяках! Сделай, что я прошу, – уговаривал банья заискивающим тоном. – Ты получишь не только плату за бритье, но рубашку и часы.

Но брадобрей отказался наотрез. Страх проклятия пересилил все прочие соображения, и он не поддавался на искушение. Он уже собрался встать и уйти, но банья крепко схватил его за руку.

– Ну тогда обрей голову и лицо, кроме бровей, и оставь только маленький пучок на макушке. На это у тебя не должно быть возражений³⁴. Ну так что, сделаешь? – взмолился банья.

Брадобрей решился на компромисс и снял с плеча свою кожаную сумку с принадлежностями для бритья. После пятнадцатиминутной обработки на лице и голове баньи не осталось ни единой волосинки, кроме бровей и пучка на затылке. Рубашка и часы перешли во владение брадобрея вместе с деньгами, причитавшимися за услугу. Банья повернулся к Рамдасу, предвкушая одобрительный отзыв. Но Рамдас мог быть лишь веселым зрителем, наблюдавшим представление со стороны.

У баньи остались засаленная старая шапочка, которую он отшвырнул прочь, два дхоти, маленький кошелек с остатками денег и золотое кольцо на пальце. Одно дхоти он пожертвовал нищему. Теперь его имущество состояло из единственного дхоти, золотого кольца, мелочи и *лоты*.

Совершив омовение в реке, он пригласил Рамдаса в ближайшую чайную, где они подкрепились молоком и пури. Потом они прогулялись вдоль берега реки, пока не наткнулись на хижину, где обитало больше десяти *садху*. Эта *гата* носила название Патакшила. Немного отдохнув под деревом, они повернули назад к городу. Дело шло к полудню, и банья проголодался. Повторный визит в закусочную умирил прожорливого волка у него в животе.

Ближе к вечеру они обошли вокруг знаменитый холм Камтанатх, где, по преданию, двенадцать лет жили в своей лесной обители Шри Рамачандра и Сита. Вечером они еще раз наведались в закусочную.

Для ночлега Рамдас выбрал место под деревом, банья пристроился у него под боком. Он прилип к Рамдасу словно тень, опасаясь, что тот в любой момент может улизнуть. Утром, проснувшись на травяном ложе, банья выказал явные признаки беспокойства.

– Давайте пойдем в Карви, – сказал он Рамдасу. – Это всего в четырех милях отсюда, к вечеру мы успеем вернуться.

Теперь Рамдасу не пристало спрашивать зачем. Его дело было лишь подчиняться. Посетив притягательную чайную, они отправились в путь. Когда они шли по узкой тропинке на крутом склоне холма, Рамдасу пришлось следовать по пятам за баньей, и он слышал исходящий от него шмыгающий звук и сдавленный стон. Рамдас одним прыжком опередил его и заглянул ему в лицо. Банья плакал.

– Что случилось? – спросил Рамдас.

³² *Гата* – место у реки, где совершаются омовения и пуджи, и прилегающий к нему жилой квартал; спуск к реке.

³³ *Вайрагья* – отрешенность, отказ от привязанности к миру.

³⁴ Пучок волос, оставленный на макушке, означает, что путь назад отрезан не полностью и остается возможность вернуться к мирской жизни.

Вытирая слезы и судорожно всхлипывая, банья с тяжким вздохом признался:

– Я сильно переживаю за жену и детей. Я ведь сбежал, ничего не сказав им. Они, наверное, очень волнуются и страдают из-за моего отсутствия. О себе я не думаю, но из-за них сердце просто разрывается. – И банья горько зарыдал.

– Рамджи, но почему тогда ты не вернешься к ним? – спросил Рамдас.

– Вы же видели, я сжег почти все мосты. О, как прав был этот брадобрей! – Он с нежностью погладил коротенький хвостик на голове. – Действительно, все не так безнадежно. Я все еще могу вернуться к ним.

Провал миротворческой миссии

Они продолжили путь и добрались до Карви. Банья спешно направился к маленькому домику под тростниковой крышей рядом со станцией. Они вошли во внутренний дворик и сели на скамейку в нескольких шагах от дверей. Во дворе играли двое мальчишек. Банья стал делать им знаки, но его внешность столь разительно изменилась, что дети не узнали его и не обратили на него никакого внимания. Тогда он подозвал одного из мальчиков и прошептал ему на ухо:

– Скажи маме, что один человек хочет видеть ее.

Мальчик побежал в дом, и в это время банья раскрыл Рамдасу секрет задуманного предприятия. Это был дом сестры его жены. Он решил признаться ей во всем и надеялся, что с ее помощью ему удастся помириться с женой. Очевидно, что та устроит скандал, который может грозить выдворением из дома с требованием не осквернять впредь ее порога.

Мальчик вернулся и как ни в чем не бывало возобновил игру со своим братом. Разве может порядочная женщина пустить в дом незнакомого мужчину? Банья снова поманил племянника.

– Скажи своей маме, что пришел муж ее сестры, – сказал он ему тихо.

Мальчишка заморгал глазами и уставился на банью. Его толстошеекое лицо расцвело в улыбке, он помчался в дом и, тут же вернувшись, сделал банье знак войти. Просиявший банья пулей влетел внутрь. Рамдас остался ждать. Прошло минут пятнадцать – банья появился на пороге. Он был похож на побитого пса. По его жалкому лицу было видно, какой неудобоваримой снедью угостила его свояченица. Должно быть, она не скупясь выдала все, что ему причиталось. В жгучем пламени ее языка его физиономия сморщилась и обуглилась.

– Ее язык остер как бритва. Ох уж этот женский язычок! – воскликнул банья со знанием дела. – Махарадж, – добавил он, приняв решение, – теперь мне все ясно. Я не пригоден для семейной жизни. А жизнь *садху* – просто мечта. Я никогда не вернусь домой. Зачем – чтобы получить такое же от второй сестры? Махарадж, давайте поскорее уйдем из этого неприятного места, – поторопил он Рамдаса.

Солнце перевалило зенит, и волчий голод снова стал терзать банью. Он разыскал закускую, и они слегка подкрепились. Несмотря на то что его сердце раздирали противоречивые чувства, к Рамдасу он относился с неизменным почтением и большой добротой. Рамдасу было прекрасно известно, что весь спектакль разыгран Всевышним. Какой совершенный игрок!

На ночь они попытались найти приют в *дарамшале*, но она была переполнена и свободного места для них не нашлось. Они вышли на улицу. В небесах сияла луна. Ее прохладный мягкий свет озарял отдыхающий мир. Весь обширный двор сортировочной станции купался в ее приветливых лучах. Рамдас направился к воротам, банья – за ним. Во дворе лежали штабеля каменных плит. Рамдас устроился на одном из них, предложив банье занять другой, рядом с ним.

– Прекрасное место для ночлега, – бодро отметил Рамдас.

Банья крикнул, дав понять, что не разделяет его оптимизма. Он подозрительно косился на темные щели между камнями, но, увидев, что Рамдас уже растянулся во весь рост на своей плите, с жалобным верещанием последовал его примеру. Рамдас воззрился на яркую луну и темно-синюю бездну над головой. Зрелище околдовало и поглотило его. Внезапно банья испустил нечеловеческий вопль. Рамдас сел и посмотрел на него. С громким криком: «Змея, змея!» банья вскочил и, сорвав с себя дхоти – другой одежды на нем не было – принялся с неистовством вытряхивать его.

– Махарадж, эти плиты кишат змеями! Надо уходить отсюда, – сказал он.

Рамдас еще раньше заметил, что в укромных закутках между камнями поселились ящерицы.

– Нечего бояться, Рамджи, – успокоил его Рамдас. – Под камнями не змеи, а ящерицы. Они безобидны.

– Ох, – громко причитал он, – кем бы она ни была, но эта тварь ползала по моим ногам. Какое кошмарное ощущение я испытал!

– Не обращай внимания, ложись спать. Они совсем не страшные, – подбодрил его Рамдас.

Убедившись, что Рамдас не собирается менять место, банья свернулся на плите калачиком и с головы до ног укрылся дхоти. Ночью он два раза истошно кричал во сне: его продолжал преследовать ужас, недавно пережитый наяву. Но его первый вопль так напугал бедных ящериц, что они не решались выползать из своих норок и касаться существа, способного издавать такие чудовищные звуки.

Поскольку миротворческая миссия баньи с треском провалилась, утром они покинули Карви и отправились обратно в Читракут. После купания в реке они навестили излюбленную закусочную, порадовавшую их молоком и пури. День выдался жаркий, и для отдыха они укрылись в густой тени дерева на берегу реки. Когда солнце наполовину спустилось с вершины небес, Рамдас предложил подняться на холм Ханумандара и провести там ночь.

Садхуизм – это не шутки

Одолев больше ста каменных ступеней, они пришли к водопаду под названием Ханумандара. Здесь мощная струя воды била из скалы и с высоты около пятидесяти футов падала в водоем, укрепленный кирпичами и бетоном. У водопада была построена маленькая *дарамшала*. Место почиталось священным, поскольку, по преданию, здесь однажды останавливались Шри Рамачандра и Сита. Отсюда как на ладони открывалась широкая панорама Читракуты – земли мудрецов и святых: просторы долин, гряды высоких холмов, поросших пышной зеленью, гладкая лента бегущей реки. Сотни маленьких ашрамов, или *кути*, приютились на склонах холмов и у берегов реки, где до сих пор подвижники предаются покаянию.

От водопада шла тропинка в гору, и Рамдас сразу заметил ее. Он уже начал было взбираться вверх, как банья предложил:

– Махарадж, тут такая уютная маленькая *дарамшала*, может быть, мы переночуем в ней?

Но Рамдас не счел нужным отвечать и стал карабкаться по крутой тропе, банья, конечно же, за ним по пятам. Они поднялись к ровной площадке, где стояли две хижины и открытый навес. Рамдас вошел в одну из хижин и увидел там черную каменную фигуру, одетую в женские одежды, – очевидно, это был образ Ситы. Рядом с идолом сидел *садху*: он караулил паломников, чтобы собирать монетки, пожертвованные ими богине. Храм назывался «Сита-расуйе» – «Кухня Ситы», ибо легенда гласила, что Сита когда-то готовила здесь еду.

Вторая хижина была закрыта на замок. Банья сел под навесом, чтобы дать отдых усталым конечностям. Тропинка шла дальше вверх, и до вершины холма оставалась пара сотен ярдов. Со всех сторон подступал густой дремучий лес из огромных высоких деревьев.

– Рамджи, – сказал Рамдас банье, – это место лучше всего подходит для *бхаджана*, и мы останемся здесь на ночь.

Банья пробормотал, что ему не по душе эта идея и вообще он считает ее нелепой. Он продолжал ворчать, но солнце тем временем село и на холмы быстро спускалась ночная тьма. *Садху* вышел из *мандира* Ситы и увидел сидящего на корне дерева Рамдаса и банью, укрывшегося под маленьким навесом.

– А вы кто такие? – удивился *садху*. – Что вы здесь делаете? Разве вы не видите, что уже темнеет? Давайте спускаться.

– Рам желает, чтобы Рамдас остался здесь на ночь, – ответил Рамдас.

– Чистое безумие, – буркнул *садху*. – В джунглях полно диких зверей и запрещено проводить здесь ночь под открытым небом. Запертое *кути* принадлежит моему гуру, а он ушел в город за *риддхи-сиддхи*³⁵. Это он приказал, чтобы никто не оставался здесь на ночь.

– Рамдас подчиняется командам Рама, и Он не велит ему уходить отсюда, – возразил Рамдас.

– Тогда поступайте на свой страх и риск, – раздраженно ответил *садху*. – Но учтите одно – не входите под навес. Да, ты, ты, – повернулся он к банье, – давай-ка, вылезай оттуда.

Банья вылез, и, в последний раз предупредив их, *садху* стал спускаться с холма. В десяти ярдах выше навеса Рамдас увидел плоский камень под купой деревьев. Он поднялся и расположился на нем. Стоило *садху* скрыться из виду, как банья вернулся на свое место под навесом. Тьма сгустилась.

– Махарадж, пожалуйста, идите ко мне под навес, – позвал банья.

³⁵ *Риддхи-сиддхи* – шутливая метафора, означающая, что учитель отправился добывать пропитание, надеясь пустить в ход свои йоговские силы. Риддхи и Сиддхи – жены бога Ганеши, устраняющего препятствия; Риддхи приносит удачу в мирских делах, Сиддхи наделяет сверхъестественными способностями.

– Нет, Рамджи, – ответил Рамдас, – на этом плоском камне вполне достаточно места для двоих. Так что лучше перебирайся ко мне.

– Но здесь удобнее, махарадж, – наседа л банья.

Тьма стояла хоть глаза выколи.

– Ох, махарадж, идите сюда, мне здесь страшно одному! – в ужасе крикнул банья.

Рамдас слез с плоского камня и забрался к банье под навес. С наступлением ночи стало холодно. Под навесом, закрепленным на четырех бамбуковых столбах и открытым со всех сторон, свободно гулял свежий ветер. Рамдас сел, а банья улегся спать. Но мог ли он уснуть в таком опасном и неудобном месте? Он дрожал от страха и холода. В разгар ночи в толстом слое сухих листьев под деревьями послышался шорох. Банья пронзительно вскрикнул и быстро сел.

– Что это было, махарадж? – прошептал он.

– Да ничего особенного, – успокоил его Рамдас, – наверное, просто лесные крысы шныряют вокруг.

– Но вполне вероятно, что это дикий зверь или кобра. – Банья запаниковал. – Я слышал, в этих лесах водятся гигантские кобры.

– Рамджи, оставь свои страхи. Скорее всего, это крысы, – заверил его Рамдас.

Примерно через час снова раздалось шуршание, теперь уже громче и ближе. На этот раз банью охватил такой ужас, что он прижался к Рамдасу как перепуганный обезьяний детеныш, вцепившийся в брюхо своей мамы.

– Что нам делать? – крикнул он.

– Повторяй имя Бога, – предложил Рамдас. – Когда на твоих губах это могущественное имя, тебе нечего бояться. Начинай читать его и успокойся.

Удивительно, но мантра Рам-нама безостановочно заработала на его губах. Он не прерывал *джапы* до самого рассвета и никакие звуки больше не тревожили его. Солнечный свет рассеял все страхи. Измученный бессонной ночью, он улегся под навесом и мгновенно захрапел.

Рамдас поднялся и, углубившись в лес, взобрался на вершину холма. Сквозь утреннюю дымку он созерцал далекие просторы земель и смутные очертания башенок и куполов храмов Читракута. Волшебная картина заворожила Рамдаса, и он стоял не шелохнувшись несколько минут. Он забрался в самые дебри леса, где то и дело натыкался на обглоданные кости, разбросанные по земле, – красноречивые следы ночных пиршеств диких зверей.

Вспомнив о банье, он поспешил к месту ночлега, где оставил его. Но куда же делся банья? Он исчез без следа. Рамдас все еще искал его, когда на холм поднялся *садху*.

– Кого ты ищешь? Банью? – осведомился он. – Но когда я поднимался, он промчался мимо меня вниз, будто за ним гнался демон. Ну что ж, по крайней мере, – добавил *садху* со смехом, – он усвоил, что садхуизм – это не шутки.

Джунгли снова поманили к себе Рамдаса, и он вольно бродил по холмам часов до одиннадцати, после чего спустился вниз и зашагал к берегу реки.

Глава 10. Читракут (продолжение)

Обнаженный аскет

Рамдас купался в реке вместе с рослым темнокожим *садху*, и тот сообщил ему, что в семи милях от Читракута находится местечко под названием Анасуяджи. Он как раз собирался пойти туда в этот день и был бы рад взять с собой Рамдаса. Рамдас охотно согласился. Бог всегда устраивает для него все наилучшим образом. *Садху* привел Рамдаса в ашрам *садху* в Патакшиле, где он пообедал в компании его обитателей.

Здесь произошел маленький эпизод, достойный упоминания. *Садху* набралось больше двух дюжин, и Рамдас, не найдя свободного местечка внутри маленького ашрама, обедал на открытой веранде. Леса Читракута кишат обезьянами, и когда перед Рамдасом поставили тарелку с рисом, роти и далом, сзади подкрался толстый и мощный самец и, ловко сграбастав одну лепешку и изрядную порцию риса, был таков.

– Почему ты позволяешь обезьяне таскать роти? – рассердился *садху*, раздававший еду.

– Не беда, махарадж, – улыбнулся Рамдас. – Он взял порцию Ханумана. Разве он не Хануман?

Садху ничего не сказал в ответ и только внимательно оглядел Рамдаса.

После обеда Рамдас выступил в поход в Анасуяджи. Кроме темного *садху*, к ним прикнули еще двое. Путь лежал через девственный лес из огромных деревьев. Углубившись в самую чащу, они увидели на тропе отпечатки лап диких зверей. Вскоре им повстречался седобородый старый *садху*, собиравший дрова для ночного костра. Рядышком стояла его низенькая тростниковая хижина. *Садху* был бодр и жизнерадостен, в глазах светился смешливый ум. О диких зверях он говорил как о ручных питомцах. Отряд двинулся дальше, и до заката они достигли Анасуяджи. Место было восхитительно красивым. Вдоль берега реки тянулась узкая полоса леса, за ней громоздились высокие навалы камней, образуя причудливые таинственные фигуры.

Дом с террасой, где жил в одиночестве *садху*, выходил на реку, а в отдалении, среди густой древесной рощи, стоял храм Анасуи, легендарной *патиивраты* – целомудренной жены великого мудреца Атримуни. Статуя из черного мрамора была облачена в цветастые традиционные одежды жителей севера.

Утолив жажду речной водой, прозрачной и кристально чистой в этом лесном безлюдье, путники отдохнули под развесистым деревом у входа в ашрам. Близилась ночь, повеяло холодом. *Садху* отправились за дровами, чтобы развести огонь для согрева, и Рамдас остался под деревом один. Он услышал хлопок в ладоши со стороны террасы. Взглянув туда, он увидел, что его подзывает хозяин ашрама. Рамдас поднялся по ступенькам крыльца и подошел к нему. *Садху* был абсолютно голым. Знаками он пригласил Рамдаса присесть на грубое одеяло, расстеленное им на полу. Они уселись рядом. *Садху* был молод, но тело его иссохло и исхудало от суровой аскезы. Встрепанные волосы и клочковатая борода говорили о полном безразличии к внешнему виду. Взгляд был отсутствующим и мечтательным, от темного лица исходило еле заметное сияние. Поскольку он изъяснялся знаками, было ясно, что он блюдет молчание. Он перебирал в пальцах короткие четки из бусин *рудракиши*. По его жестике Рамдас понял, что *садху* хочет провести ночь вместе с ним. Он поманил Рамдаса в комнату, где царил полнейший беспорядок, и приготовил сиденье для Рамдаса рядом с горевшим посреди комнаты очагом. Рамдас остался с *садху* на ночь, до утра не произнес ни слова.

На следующий день он попросил позволения удалиться. *Садху* жестами спросил, почему Рамдас не носит с собой сосуда для воды, и тот ответил, что такова воля Рама. Из кучи хлама,

валявшегося на полу, он выудил чистую полную тыкву в форме маленькой бутылки с вырезанной наверху ручкой. Он поставил «*лоту*» перед Рамдасом и знаком велел забрать ее. Рамдас стал отнекиваться, но *садху* оказался крепким орешком. По его выразительной пантомиме Рамдас понял, что ему не удастся уйти без самодельной *лоты*. Рамдасу пришлось покориться, и, попрощавшись, он вышел на улицу. Все *садху* разошлись, и только один, темнокожий, поджидал Рамдаса. Вдвоем они отправились к Бхарата-купе, Источнику Бхараты. По пути им встретились убогие лачуги крестьян, прилепившиеся у кромки возделанных полей, и застенчивые деревенские жители угостили их рисом и простоквашей. К вечеру они пришли к Бхарата-купе.

Над широким круглым водоемом склонял свои ветви древний гигантский пипал. Вокруг него стояли маленькие храмы Рамы, Ситы, Лакшманы, Бхараты и Ханумана. Они устроились на ночь под деревом, на каменном пьедестале, окружавшем колодец. Утром снова тронулись в путь, искупавшись в священном источнике. Вскоре темнокожий *садху* покинул его, пойдя своей дорогой.

Оставшись один, Рамдас три дня бродил по диким джунглям, укрываясь на ночь под деревьями или среди каменных развалин. Питался он цветами мовах³⁶, медового дерева, срывая их с нижних веток. Это большие белые цветки, по форме – как бутоны розы с толстыми сочными лепестками и сладкие как мед.

Рамдас прибыл в Читракут за неделю до празднества Рам-навами. До начала торжества оставалось два дня. В своих блужданиях по лесу он случайно вышел на *парикраму* (священную круговую дорогу), огибающую подножие холма Камтанатх, где уже побывал раньше с баньей. Вдоль *парикрамы* было много храмов, ашрамов и водоемов, где отдыхали паломники. Когда он обходил холм, две набожные матушки, жившие в маленьком флигеле при одном из храмов, пригласили к себе Рамдаса и с любовью накормили его. Время как раз подошло к полудню.

Вечером он взобрался на холм под названием Лакшмана Текри. Он нашел укромное местечко на склоне и провел там ночь.

³⁶ *Madhuca longifolia* (*Bassia longifolia*) – дерево семейства сапотовых (медовое дерево, морра, махва) со сладкими цветками, широко используемое как источник масла.

Бог – для тех, кто жаждет истины

У дороги вокруг холма находился ашрам *брахмачари*, где двенадцать мальчиков изучали премудрости Вед и постигали жизненные правила и обряды древности. Перед ашрамом был воздвигнут *яджна-кунд*³⁷, где *брахмачари* собирались каждый день вместе со своим наставником и под звуки священных мантр проводили *яджну* по ведическому закону. За *яджна-кундом*, ближе к ашраму, стояли небольшие каменные беседки в стиле классической храмовой архитектуры, и в одной из них Рамдас провел ночь.

Закладывая круги по *парикраме* Камтанатха, Рамдас повстречался с *садхакой*, на вид безумным – впрочем, все опьяненные Богом люди в известной степени безумны. Он громко и безостановочно читал Рам-мантру, то присаживаясь у одного из маленьких храмов *парикрамы*, то вновь пускаясь по кругу.

Как-то ночью Рамдас выбрал для медитации каменный квадратный пьедестал *яджна-кунда*. «Безумный» *садхака* присоединился к нему и уселся с другой стороны. Рамдас, как всегда, читал мантру вполголоса, а его сосед повторял имя громко, в своей обычной манере. Шли часы, и *джана* шла полным ходом. Примерно в три часа ночи *садхаку* начало непреодолимо клонить в сон, и, не выдержав, он скатился с края *кунда* и уснул на своем коврике.

Не прошло и получаса, как он коротко вскрикнул и встрепенулся. Открыв глаза, он узрел Рамдаса, сидящего на *кунде* и по-прежнему читающего мантру, и от злости на самого себя пришел в неистовство.

– Ничтожество, жалкий дурак! – осыпал он себя покаянной бранью. – Я позволил сну украсть у меня *бхаджан*. И как ему удастся побеждать сон! – Последний возглас относился к Рамдасу. – Зачем только я набил брюхо вечером – из-за этого и случился провал. О Господи, я теряю драгоценное время!

Поистине, Бог – для тех, кто одержим такой жгучей жаждой истины.

Праздник Рам-навами обычно отмечается девять дней. В первый же день тысячи паломников со всей Индии стеклись в Читракут, чтобы совершить *парикраму* холма Камтанатх. Верующие считают, что этим ритуалом зарабатывают себе неисчислимые заслуги, так как, по преданию, Шри Рамачандра и Сита предавались аскезе на этом холме. По дороге вокруг холма ползла густая толпа паломников. Совершая один из кругов, Рамдас заметил ашрам Пиликоти, постоянную обитель Свами Нирбаянанда и его жены – святой четы, с которой он встретился в Джанси. Ашрам был украшен пестрыми гирляндами, флажками и цветочными арками, сотни *санньясинов*, съехавшихся издалека, толпились во дворе, привлеченные праздником и неизменным девизом ашрама: кормить любого *санньясина*, переступившего его порог. Главой ашрама был Свами Акандананда, *санньясин*, известный во всех объединенных провинциях, управляющим – его ученик Свами Сатчиданада, знаток санскрита. При ашраме находилась небольшая бесплатная школа по изучению санскрита.

Свами Нирбаянанда, его жена и брат, Свами Рамананда, были учениками Свами Акандананды, имевшего множество последователей как среди *санньясинов*, так и среди мирян. Свами Рамананда в то время был в ашраме. Странствуя по Индии со своими учениками, Свами Акандананда иногда на несколько месяцев в году останавливался в Джанси. Они слышали о Рамдасе от Рамкинкера, но встретиться им не довелось.

Когда Рамдас уезжал из Джанси, Свами Нирбаянанда попросил его обязательно побывать в ашраме Пиликоти. И вот теперь Рамдас, оказавшись в его стенах, угодил в толчею двора, заполненного прибывавшими *санньясинами*. Днем он присоединился к общей трапезе. Совер-

³⁷ *Яджна-кунд* – священный алтарь для огненного жертвоприношения. Неглубокая яма, где разводится огонь, окружена квадратным многоярусным каменным заграждением.

шив еще один обход холма, он вернулся в ашрам. Спал он в те дни очень мало, и только поздно ночью ему захотелось отдохнуть и он устроился на каменной скамье, благо они во множестве были расставлены во дворе. Для удобства паломников, избравших их своим ночным ложем, один конец гранитной плиты был слегка приподнят, образуя «подушку». Ночью скамейки становились холодными как лед.

Его единственное дхоти послужило и простыней, и одеялом: он улегся на один его край, а прикрылся другим. Через час его деликатно потревожил молодой *санньясин*, подошедший к скамье с двумя одеялами.

– Махарадж, возьмите эти два одеяла – холод страшный, – предложил он. По его настоянию Рамдас поднялся, и *санньясин* расстелил на скамейке одеяло, а когда он снова лег, укрыл его вторым. Все до единого добры к нему, ибо каждый – Он.

На рассвете он пошел мыться на реку. Тыквенная бутылка теперь стала его добрым товарищем. В ашрам он вернулся к полудню, а вечером молодой *санньясин*, снабдивший его одеялами, выразил желание побыть в его обществе и отвел его в свою *кути*, стоявшую на другой стороне дороги напротив ашрама. Рамдас рассказал ему о своей встрече со Свами Нирбаяндой и его женой в Джанси. Собеседник осведомился о его имени, и Рамдас назвал себя.

Прошла еще одна ночь, и, как всегда, ранним утром Рамдас совершил омовение в реке и появился в ашраме к полудню. На веранде одного из флигелей собралась кучка *санньясинов*. Когда Рамдас вошел в ворота, все как один повернулись в его сторону и, хихикая, уставились на него. Он собрался было пройти мимо, но Свами Сатчидананда, управляющий ашрамом, крикнул ему, чтобы он остановился.

– Подойдите-ка сюда, – подозвал он Рамдаса, и он поднялся на веранду.

– Мы тут раздумываем, какому наказанию вас подвергнуть, – нахмурился он.

Один из *санньясинов* помахал толстой палкой. Рамдас забрал палку у него из рук и почтительно вручил ее Свами.

– Вот палка, – улыбнулся он. – Отведите душу, накажите Рамдаса. – Он наклонился, подставляя спину. Все дружно рассмеялись.

– Нет, номер не пройдет, – прояснил ситуацию Свами. – Мы уже вынесли приговор. Вам придется остаться в ашраме на целый год. Это вам наказание!

– А если Рам этого не захочет? – осторожно спросил Рамдас.

– Рам говорит через нас! – нашелся Свами.

– Но он говорит и в Рамдасе. Он известил его, что он не должен соглашаться на ваше предложение.

– Там посмотрим, – покачал головой Свами. – Мы поселяем вас в отдельную комнату и приставляем к вам стража. Вы не сможете сбежать.

– Да будет на все воля Рама, – произнес Рамдас.

– А догадываетесь ли вы, какое вам предъявлено обвинение? – поинтересовался Свами.

– Вы уже вынесли приговор, и какая разница, будет ли Рамдас знать, в чем его вина? – ответил Рамдас.

– И все же я сообщу вам, в чем дело. Два дня вы играли с нами в прятки. Вы сохраняли полное инкогнито. Мы слышали о вас и ждали вас с нетерпением. За эту хитрость мы и наказываем вас, – разъяснил Свами.

Как предаться Богу

Для Рамдаса приготовили узкую «камеру», где он обнаружил деревянную кровать с лоскутным одеялом и глиняный кувшин, полный воды. Он был отдан под присмотр Свами Рамананды, старого *санньясина*, взявшего на себя заботу о Рамдасе. Удивительно, что все *санньясины* этого ашрама были простодушны, как дети. Они часто приходили в комнату Рамдаса, чтобы поговорить с ним и приласкать, как маленького ребенка. Они устроили ему настоящее пиршество любви.

Как-то раз Свами Рамананда и Свами Гуптананда – молодой монах «с одеялами», сидели у него в комнате на кровати. Рамдас говорил о предании себя Богу. В качестве примера он привел эпизод с Драупади в тронном зале Кауравов³⁸. Она попала в отчаянное положение, когда Душасана задумал прилюдно унижить ее. Она боролась с оскорбителем, пытаясь защитить свою честь, при этом взывая к Кришне о помощи, но Кришна не приходил ей на выручку. В конце концов, осознав свою оплошность, она сложила руки, всецело предавшись Кришне, и призвала его. В тот же момент он спас ее от бесчестия.

Когда рассказ Рамдаса подошел к волнующему моменту самоотдачи Драупади, Свами Гуптананда, слушавший Рамдаса затаив дыхание, так сильно растрогался, что не смог сдержать рыданий. Глаза Свами Рамананды тоже заблестели от слез.

Однажды Рамдас в компании Гуптананды совершил восхождение на знаменитый холм Камтанатх, возвышающийся над ашрамом Пиликоти. Некоторые индуисты считают святотатством попираť ногами священный холм, поскольку, по преданию, во времена оны на нем обитали Шри Рамачандра и Ситадэви. На холме нет никаких реликвий или сооружений, говорящих об их пребывании. Высота холма от его подножия составляет около пятисот футов. Он сплошь покрыт дикой порослью кустов и густым лесом, среди которого попадаются деревья тенду³⁹ со съедобными плодами. Рамдас спускался вниз бегом по высохшему руслу ручья, усеянному гладкими круглыми камнями.

В другой день на прогулку вокруг священного холма Рамдаса позвал *санньясин* из Каши. Пройдя часть пути, оба уселись на каменном постаменте под деревом. Тут *санньясин* пустился в откровенные признания.

– Махарадж, скоро уже тридцать лет, как я принял санньясу, но ум по-прежнему в безнадёжном состоянии, – посетовал он. – Низменные желания, жадность и гнев цветут пышным цветом, как и раньше. Что мне делать?

– Единственный способ укротить ум и избавить его от упомянутых пороков – никогда не расставаться с именем Бога, медитировать на Его великие качества и посвящать Ему все свои действия, – посоветовал Рамдас.

– Я испробовал все это, но все напрасно, – сказал *санньясин*.

– Тебе нужно заниматься этой практикой в уединении, – заметил Рамдас.

– О, только не говорите мне об уединении! – Рамдас явно задел больное место. – У меня ужас перед одиночеством. Стоит мне остаться одному, и ум атакует целая армия нечестивых желаний. Поэтому я гоняюсь за святыми. В их обществе мне спокойно. Но я знаю, что не обрету покоя, если буду полагаться лишь на помощь извне, и он будет лишь временным.

Он умолк и воззрился на Рамдаса, явно надеясь, что он решит его проблему.

– То, что ты говоришь, верно. – Рамдас вдохновился на пространную речь. – Бог, который есть чистое бытие, сознание и блаженство, пребывает у тебя внутри, – точнее, ты не отли-

³⁸ Эпизод из Махабхараты. Душасана, второй среди братьев Кауравов, пытался сорвать сари с Драупади, жены пяти братьев Пандавов, и Кришна бесконечно удлинил ее сари.

³⁹ Тенду, или тендурины, – коромандельское черное дерево *Diospyros melanoxylon*.

чаешься от Него. Пока ты не обнаружишь Его в себе, не будет ни полного освобождения, ни покоя. И главное, запомни, что самое необходимое качество для искателя Бога – бесстрашие. Тебя не должен преследовать ни страх одиночества, ни страх толпы. Одиночество, напротив, великое подспорье. Верь в то, что обитающий в тебе Бог всемогущ. Поэтому ищи Его поддержки, постоянно помня о Нем, молясь и медитируя. Это прогонит низменные страсти.

Не забывай ту первейшую истину, что Бог обитает у тебя в сердце. Не расстраивайся от неудач, неизбежных на первых порах. Учись распознавать работу Его воли во всем, что происходит у тебя внутри и во внешнем мире, и покоряйся ей, пока не победишь полностью личное «я» и не постигнешь, что Он во всем, Он – всё, и ты и Он – одно. Будь терпелив. Путь самодисциплины, ведущий к постижению Бога, – нелегкий путь. Ты встретишь препятствия и страдания, и тебе придется преодолевать первые и выносить вторые, и опять-таки, только с Его помощью. Помощь Его приходит, только когда ты сосредоточен на Нем, а для этого лучше всего повторять Его имя.

Санньясин молча выслушал Рамдаса и больше не задавал вопросов. Они пошли обратно к ашраму.

Рамдас – Божье дитя

Через несколько дней тот же самый *санньясин* подошел к Рамдасу.

– Разве вы не знаете? – спросил он. – Знаменитый Свами Акандананджи сейчас здесь. Вы видели его?

– Видеть тебя – это видеть его, – ответил Рамдас просто.

– Нет, махарадж, вы должны увидеть его. – *Санньясин* строго взглянул на Рамдаса. – Он всего в нескольких ярдах от ашрама, сидит в роще под деревом. Свами всегда предпочитает обитать в лесу, ему не нравится жить под крышей. Он прославленный махатма. Завтра утром он уходит отсюда, и вы упустите редкую возможность, если не увидите его сегодня.

– Для Рамдаса Бог везде. Ему не надо идти в особое место, чтобы увидеть Его, – ответил Рамдас.

– Как?! – с удивлением воскликнул *санньясин*. – Вы не хотите посмотреть на него? Нет, вы пойдете к нему! – добавил он решительно и, схватив Рамдаса за руку, чуть ли не потащил за собой. – Давайте-давайте, мы пойдем вместе! – Он был сильным человеком, и Рамдас не стал сопротивляться.

Спустя пять минут они очутились перед большим сборищем *санньясинов*, сидящих в роще из полудюжины высоких ветвистых деревьев. На возвышении под деревом сидел *санньясин* в набедренной повязке, остальные расположились на земле.

Рамдас направился прямо к Свами, коснулся головой его стоп и уселся перед ним на землю. Казалось, все собравшиеся внезапно замерли. Несколько минут стояла мертвая тишина, потом Свамиджи прервал неловкую паузу.

Он обратился к почитателю-мирянину, сидевшему рядом с Рамдасом:

– Спроси его, есть ли у него какие-либо сомнения.

Свамиджи говорил на хинди. Мирянин знал английский и перевел Рамдасу вопрос Свамиджи. Рамдас был все еще не силен в хинди и, конечно же, ответил по-английски:

– Рамдас – дитя Бога, и Он давным-давно устранил все сомнения своего ребенка.

Почитатель перевел на хинди слова Рамдаса.

– Тогда каково его положение? – последовал очередной вопрос от Свамиджи.

– Его положение таково, – ответил Рамдас, – что он как река Ганга, достигшая океана и слившаяся с ним, но все же продолжающая течь к нему.

Когда прозвучал этот ответ, по всему сборищу пронесся легкий смешок. Свамиджи не сказал ни слова.

Тогда последователь сам отважился осведомиться:

– Зачем же вы пришли?

Хороший вопрос!

– Рамдас пришел просто потому, что Рам притащил его сюда, – был ответ, и он с улыбкой глянул на конвоира-*санньясина*.

– В чем дело? – с любопытством спросил почитателя Свамиджи. Тот объяснил, и все собрание разразилось громким смехом.

Тогда Рамдас внезапно вскочил и, снова поклонившись Свамиджи, помчался в свою комнату во флигеле, где оказался меньше чем за минуту.

Свами Рамананда был доброй и простой душой. Он с великой нежностью заботился о Рамдасе, но проявлял некую бдительность, так как рассчитывал, что Рамдас останется в ашраме на долгое время. Рамдас понимал, что по доброй воле свами ни за что не разрешит ему покинуть ашрам. Рам приказывал сняться с места – но как?

Настал день, когда Рам предоставил возможность. Стояла небывалая жара. Обычно после обеда пожилые *санньясины* укладывались вздремнуть. Но в тот особенный день палящий зной

уморил и молодых, и старых. К часу дня во флигеле раздавался разноголосый храп. Ведущим хора был Свами Рамананда.

Рамдас, как всегда полный энергии и бодрости, взял *лоту* из тыквы и на цыпочках медленно прокрался по двору к воротам, не замеченный *санньясинами*. Оказавшись на дороге, он припустил рысью, скоро перешедшей в настоящий галоп! Он пробежал с милю и пошел дальше быстрым шагом.

Глава 11. Дорога в Банду – Банда

Вода – нектар чистой любви

Рамдас понятия не имел о дальнейшей цели и шел куда глаза глядят. К вечеру ноги привели его в Карви. На рассвете он уже шагал вдоль рельсов железной дороги, прямо по насыпи из острого гранитного щебня. Одолев с милю, он подошел к переезду со шлагбаумом, где стояла будка дорожного смотрителя. Его резкий оклик остановил Рамдаса.

– Эй, что ты делаешь? Ты в своем уме? Или ты не чувствуешь, что идешь по острым камням? Дорога на Банду в двух шагах. – Он махнул рукой на проселок чуть ниже насыпи. – Спускайся туда.

Рамдас внял совету смотрителя, спустился на дорогу и пошел дальше. К полудню он достиг маленькой придорожной деревни с несколькими закусочными, стоящими на обочине. Продавец одной из них пригласил его внутрь. Рамдас вошел и сел на циновку. Первое, что ему бросилось в глаза, – изображение Кали в рамке, висящее на стене и украшенное гирляндой. В закусочной сидели несколько посетителей, потягивая из маленьких оловянных стаканчиков прозрачную светлую жидкость. Исходящий от нее сильный дух не оставлял сомнений в том, что это спиртное. Рамдас угодил в рюмочную! Здесь явно торговали и ганджей, так как один из клиентов, купив порцию зелья, набивал свою трубку.

Владелец заведения тоже приготовил чилам с ганджей и предложил зажженную трубку Рамдасу. Считается само собой разумеющимся, что все *садху* курят марихуану! Но Рамдас не знал, как обращаться с чиламом, и, доведя это до сведения хозяина, попросил извинения.

– Пустяки, я научу тебя, как курить трубку, – обнадежил его сердобольный хозяин. В два счета Рамдас усвоил урок и сделал несколько затяжек.

Через час добрый лавочник принес ему тарелку с едой. Около трех часов Рамдас покинул деревню и двинулся дальше. Когда начало смеркаться, он наткнулся на некое подобие убежища. На обочине под деревьями стояли полукругом высокие каменные скамьи. Он вскарабкался на одну из них.

Как правило, ему хватало одной трапезы в день. Вечером ему не хотелось есть. Но сейчас голод настойчиво заявлял о себе. Все дело было в гандже – Рамдас ровно ничего не почувствовал, и действие выкуренной трубки сказалось только на его аппетите. Рамдас объявил о проблеме вслух. С кем еще мог он поделиться, как не с Рамом?

Пяти минут не прошло, и Рамдас увидел, что к нему бежит подросток лет четырнадцати. Он запрыгнул на постамент Рамдаса и притиснулся к нему.

– Я хочу принести вам еду. Что вы хотите? – спросил он.

– Рис и молоко, – ответил Рамдас.

Рамдаса не удивило это предложение. Его жизнь изобиловала подобными сюрпризами. Он привык, что Рам отовсюду протягивает ему заботливую руку. Паренек убежал и появился через два часа. Он отвел Рамдаса в свой дом, и его добрая мать накормила его молоком и рисом. После еды он вернулся на свой каменный насест.

Прошла ночь, и утром он снова отправился в дорогу. К полудню неподвижный воздух пылал зноем. Рамдас шел босиком и с непокрытой головой. Страдания для него были в радость. Его полное безразличие к телесному благополучию превращало каждую эмоцию в экстаз. Так он шагал, купаясь в обжигающих солнечных лучах, пока его не нагнала деревенская подвода.

– Махарадж, сейчас самая жара, – окликнул его крестьянин, погонявший буйвола. – Слева в полях, в фарлонге от дороги – маленький ашрам *садху* Рамдасджи. Ступайте туда.

Свернув с дороги в указанном направлении, Рамдас шустро засеменил к ашраму. *Садху* оказался глубоким стариком, добрым и приветливым. Рамдас помылся у колодца, отведал нехитрой еды и прилег на часок на шаткую скамейку. Потом он отправился дальше. Закат застал его в дремучем лесу. Он всегда ощущал неизъяснимый восторг, когда оказывался ночью в джунглях один. Под первым же большим деревом он решил устроить ночлег и улегся на голую землю. Тут же на него посыпался град птичьего помета. Он выбрался на полянку и растянулся на мягкой траве.

Взошла луна, и лес озарился ее холодным светом. Пробиваясь сквозь листья и ветви, отблески лучей рисовали на земле волшебные затейливые узоры, и казалось, что лес застелен искусно вышитым узорчатым ковром. Под кронами царила прохлада, ласковый ветер оведал лицо. Ночную тишину нарушали время от времени хлопанье крыльев больших летучих мышей, снимавшихся с дерева, или далекое уханье сов, ведущих свои ночные пересуды. Пребывая в блаженстве, он бодрствовал всю ночь.

На следующий день сценарий повторился: его снова остановил на дороге возница подводы и указал дорогу в близлежащий храм. Он наставительно добавил, что Рамдасу не помещает *даршан садху* Камтанатха, обитающего в храме. Время было около часу пополудни. Храм находился ярдах в пятидесяти от дороги. Рамдас вошел в храм. Внутри стояла тишина, и только *садху* похрапывал на кровати. Рамдас, стараясь не шуметь, присел в некотором отдалении. Но *садху* мгновенно проснулся, и его взгляд упал на Рамдаса. Он поманил Рамдаса к себе и краем одежды вытер пот, заливавший лицо и грудь Рамдаса.

– Мне нечем тебя накормить, – улыбнулся он, – придется тебе довольствоваться одной водой. Но вечером ты получишь хорошую еду.

– Мне хватит и воды, махарадж, – рассмеялся Рамдас.

– Пойди умойся, – велел *садху*.

Рамдас облился колодезной водой и вернулся в храм. *Садху* взял его за руку и привел в алтарную комнату, уставленную пышно украшенными образами божеств, после чего усадил в узкой длинной нише. Скрывшись в глубине храма, он вернулся с плоской дала и толстой роти. Сев рядом с Рамдасом, он раскрошил роти, смешал с гороховым карри, сделал катышек и внезапно бросил его прямо в рот Рамдасу. У Рама, поистине, свои, потрясающие способы кормления Рамдаса! Он проглотил еду, и *садху* стал запихивать ему в рот катышки пищи один за другим, пока он не наелся до отвала. Они вышли в переднюю комнату и сели на кровать. *Садху* обнял Рамдаса за шею. Он так и лучился любовью.

– Ты ведь побудешь здесь несколько дней, да? – спросил он.

– Нет, махарадж, Рамдасу нужно скоро идти, – умоляющим голосом ответил Рамдас.

– Я не разрешаю тебе уходить. Я хочу, чтобы ты остался хотя бы на четыре или пять дней. – *Садху* поджал губы.

Спорить с ним было явно бесполезно, и Рамдас промолчал.

– Видишь, жара еще не спала, приляг вздремнуть. – Подавая пример, *садху* растянулся на кровати, и его тут же сморил сон.

Рамдас подождал несколько минут и, убедившись, что *садху* крепко спит, осторожно поднялся и вышел из храма на цыпочках – совсем как в ашраме Пиликоти. Выйдя на проселок, он припустил что есть мочи, пока не очутился на главной дороге. Пройдя несколько миль, он повстречал повозку, запряженную буйволами. При виде Рамдаса погонщик спрыгнул и пошел к нему навстречу.

– Махарадж, залезайте в мою повозку. Больно смотреть, как вы идете в эту жару по раскаленной земле, – сжалился он над Рамдасом.

Рамдас сказал, что идет в противоположном направлении, в сторону Банды.

– Тогда возьмите, пожалуйста, эти деньги. – Он протянул ему полторы анны. – Это как раз на билет до Банды, станция в двух шагах отсюда, и поезд должен прибыть через несколько минут. Берите, берите, – всучил он монеты Рамдасу.

Рамдас пришел на маленький полустанок. Как выяснилось, билет стоил две анны, и он покинул здание вокзала и отправился в Банду пешком. Незадолго до заката впереди замаячили окраины предместья. Здесь на обочине дороги жила матушка, снабжавшая измученных жаждой путников питьевой водой. Кувшины с водой она хранила в своей тростниковой хижине. За эту услугу она не брала никакого вознаграждения.

– Махатмаджи, махатмаджи, – крикнула она Рамдасу, – идите сюда, отдохните немного в моем скромном жилище.

Он откликнулся на ее призыв. Добрая матушка усадила его на скамью и обмыла ему ноги до колен прохладной водой из кувшина. Он вдоволь напился воды из поднесенной ему чаши. Это был нектар чистой любви!

Воинственный садху

Рамдас прокладывал путь по улицам Банды среди толп народа. Какой-то лавочник окликнул его:

– Махарадж, тут совсем недалеко, за городом, в уединенном месте живет *садху* Вишуддхананда. Местечко называется Будх Рам Кува. Он настоящий святой, пойдй к нему. – Он махнул в сторону боковой улицы, куда надо было свернуть.

Рамдас пошел в указанном направлении, но быстро заплутал в лабиринте улиц и потерял ориентацию. Он справился у прохожего, и тот вызвался проводить его. Рамдас последовал за ним. Они пришли к храму Махадева у подножия холма и, пройдя высокую каменную арку, стали взбираться на холм. Последние ярды им пришлось ползти на четвереньках – чтобы очутиться на плоском карнизе перед широким входом в пустой грот. На земле сидела группа людей, а *садху*, возвышаясь над ними, командовал сооружением *дхуни* – очага для огненного ритуала.

Увидев Рамдаса, он бросил на землю грубый холщовый мешок и предложил ему сесть. Рамдас подчинился. Но *садху* пока что было не до Рамдаса: видимо, ему чем-то досадил один из сидящих людей. Мгновенно всплыв, он обрушил на него поток грубой отборной брани.

– Это и есть тот самый святой, Вишуддхананда? – спросил Рамдас своего проводника.

– Нет, – ответил тот, – это Балак Рам Парамахамса. Вишуддхананда живет в миле отсюда.

– Не отведешь ли ты Рамдаса к нему? – попросил Рамдас.

– Конечно, с радостью, – согласился тот.

Последние слова диалога достигли ушей сердитого *садху*. Это подлило масла в огонь, и он излил свой гнев на провожатого Рамдаса.

– Что?! Да как ты смеешь уводить этого *садху*? Сейчас же убирайся отсюда, болван, чтобы и духу твоего здесь не было! – Он задрал правую ногу для пинка. Перепуганный конвой помчался вниз и был таков.

– Махарадж, – *садху* обернулся к Рамдасу, – оставайтесь здесь. Я позабочусь, чтобы вы ни в чем не нуждались.

Рамдас принял приглашение, но уточнил, что его нужды весьма скромны и он предпочел бы питаться только молоком. Купец сетх⁴⁰ Мулчанд два раза в день снабжал *садху* провизией. Он нанял мальчишку, доставлявшего еду на холм. Наступил вечер, и народ разошелся. Примерно через час мальчик как штык появился с ужином. У *садху* оказался еще один гость – он вылез из грота с левой стороны обширной пещеры.

– Поторапливайся, Тапасвиджи, – сказал *садху*, – ужин прибыл.

Тапасвиджи был человеком лет тридцати пяти, ладным и крепко сбитым. Все его тело было покрыто толстым слоем пепла. Он носил только набедренную повязку и грубую веревку из кокосового волокна, повязанную вокруг талии. Пряди спутанных волос были уложены короной на макушке головы. В одной руке он держал *йога-данду*, в другой – *джана-малу* (четки) из бусин *рудракиши*.

Садху принялись за еду и пригласили Рамдаса. Он вежливо отказался. Балак Рам попытался заставить мальчугана сбегать за молоком, но тот нерешительно топтался на месте, сказав, что не знает, где достать молока.

– Не нужно, – вмешался Рамдас, – Рамдас не голоден. Вечером ему достаточно стакана воды.

Покончив с ужином, *садху* набили трубку с ганджей, и Балак Рам воззвал к Рамдасу, надеясь, что тот присоединится к курению. Он снова с благодарностью отклонил предложение.

⁴⁰ Сетх – титул богатого солидного торговца («господин»).

Рамдас помалкивал и хранил бдительность. *Садху*, накурившись дурманящего зелья, завели бессвязный туманный разговор.

Рамдас прожил на холме две недели, и этот короткий срок был насыщен захватывающими и удивительными событиями. Холм назывался Бамбешвар Пахад. На голых каменистых склонах торчали два-три дерева, и кое-где пробивалась чахлая поросль засохших кустов. Вода на Бамбешваре Пахаде была на вес золота, так как ее приходилось таскать наверх из храмового водоема, находящегося у подножия холма.

Балак Раму Парамахамсе было не больше тридцати двух лет, он обладал гибкой и стройной фигурой, тяжелая нижняя челюсть и сжатые губы говорили о решительном нраве. Но в промежутках между вспышками гнева, налетавшими на него, как смерч перед грозой, взгляд был нежным, а лицо – улыбчивым. Буря проносилась, и под ясным небом воцарялась тишина. Рамдас смог разгадать, что в груди у него билось мягкое и чуткое сердце. Из-за недостатка дисциплины и воспитания ум его был буйным и неуправляемым. Он отвергал все иллюзорные соблазны мира, и его безразличие к ним заслуживало восхищения. Но в своей борьбе с охочим до острых ощущений умом он применял лишь единственное средство – курение ганджи, и оно еще больше распаляло гнев, присущий его натуре. Одна черта его характера особенно бросалась в глаза – одержимость страстью служения святым. Он твердо верил, что одного этого служения достаточно, чтобы привести к освобождению – *мокше*. Поэтому всем, кто приходил к нему, он твердил одно и то же: их богатство должно быть использовано для служения *садху*. Он мечтал превратить холм Бамбешвар в счастливое обиталище *садху*, где он сам станет их слугой, а миряне будут снабжать его всем необходимым для этого служения.

Балак Рам воинственно встречал посетителей и нещадно хлестал их бичом своего языка. По приведенному здесь эпизоду можно судить о его своеобразной манере обращения с гостями. Как-то раз ему пришлось в голову послать за районным налоговым инспектором, по делам приехавшим в Банду. Тот был правоверным индуистом и, не подозревая, что его ожидает, благочестиво откликнулся на призыв махатмы. Бедняга отправился к Балак Раму сразу после закрытия своей конторы, в одежде, в которой обычно ходил на службу. Чиновник поклонился *садху* и сел перед ним.

Прищурившись, Балак Рам смерил своего гостя взглядом с головы до ног, причмокнул языком и облизнул губы.

– Ха, ха, – начал он издевательским тоном, – какой шикарный костюмчик на тебе! Отутюженный длинный плащ, белые брючки с иголочки, модные английские штiblеты и вычурная трость в придачу! Разодетый хлыщ, да и только! Сколько драгоценных монет ты выбросил на все это барахло? Ты думаешь, что стал очень умным, напялив этот шутовской наряд? Глупец, неужели ты до сих пор не понял, что копошишься в земле, как мерзкий червь, с утра до вечера корпя в своей конторе ради этих никчемных безделиц, и пускаешь пузыри, убаюкая свою плоть корыстными и греховными желаниями?

– Берегись, – пророчествовал он, – смерть неотступно крадется за тобой, как огромная кобра, только и ожидая момента, чтобы проглотить тебя! Пошевели чуть-чуть мозгами – зачем ты вообще родился? Для вас, земляных червей, только один путь к спасению – служение святым. Если ты не делаешь этого, ты конченный человек. Так что выкладывай все деньги, что имеешь при себе.

Потрясенный чиновник смущенно сказал, что пришлет денег из дома, так как с собой у него ничего нет. Пробормотав несколько слов извинения, он спешно ретировался. Денег Балак Рам так и не дождался. Он посылал за инспектором не меньше шести раз, но тот, разумеется, обходил холм стороной!

Путь к покою

Для школьников *садху* и махатмы особо притягательны. В их компании они могут отлично повеселиться. С любопытством наблюдая за миром *садху*, они дразнят их, подражая их забавным чудачествам. Ужимки, причуды и эксцентричные выходки этой породы бродячих аскетов – извечный предмет пристального внимания школьной ребятни. И не удивительно: они попадают в бесплатный цирк, на увлекательное представление, куда пускают без билета. Но с Балак Рамом этот номер не проходил. Конечно же, он очень любил мальчишек, но как за спектакль, так и за нежную любовь им приходилось дорого платить. После уроков мальчишки всей гурьбой залезали на холм Бамбешвар. У Балак Рама уже стояла наготове дюжина пустых глиняных кувшинов.

– Деточки, миленькие, – подзывал он их, сморщивая свои сухие губы в узкую воронку, – усвоенный прием для демонстрации умиления. – Не принесете ли немного воды из колодца внизу? Вот кувшины, каждому по одному – хорошие мальчики, вмиг обернетесь, давайте, дорогие, – вкрадчиво задабривал их Балак Рам.

Рамдасу довелось быть зрителем подобных сцен. Как-то раз Балак Рам науськал команду из шести мальчишек принести воды и снабдил их кувшинами. Только двоим удалось вскарабкаться с кувшинами наверх, остальные вернулись, держа в руках осколки горлышек и днищ. Четыре кувшина были потеряны зараз, и обезьяна, сидевшая в Балак Раме, взбесилась. Умильная улыбка исчезла, и он грозно навис над четырьмя преступниками.

– Ах вы, негодники, – взревел он, – вы что, думаете, это кувшины ваших дедушек? Я дорого заплатил за них, но вам до этого и дела нет, и вы, черти, разбили их! Немедленно отправляйтесь к родителям и отдайте мне полторы анны за каждый. Брысь отсюда, быстро! Чтобы были здесь с деньгами до темноты.

Мальчишек как ветром сдуло – только для того, чтобы начисто забыть обратный путь. На следующий день явилась новая команда, и история повторилась вновь.

Несколько дней после визита общественного надзирателя Балак Рам пребывал в озабоченности. После первой атаки оскорблений ему удалось-таки выжать из чиновника пару рупий – совсем как из буйволицы, которая не дает молока, пока ее хребет не отведаст увесистой палки из ствола банана. Балак Рам мечтал подвергнуть надзирателя второй попытке, но у того, видимо, были иные планы. Все гонцы, посылаемые к нему Балак Рамом, словно сговорившись, докладывали, что не смогли его найти. Что до налогового инспектора, который как сквозь землю провалился, то Балак Рам объявил его состояние полностью безнадежным.

Однажды вечером Рамдас спросил его, почему он потчует визитеров грубой бранью.

– Как же иначе, – презрительно фыркнул тот, – сладкие слова и разумные доводы не для глупых ослов. Чтобы они стронулись с места, нужна тяжелая дубина. Так и с этим народцем, погрязшим в эгоизме и невежестве. Я желаю им только добра, но лишь колотушкой можно выбить из них что-то стоящее и полезное для них самих.

– Ты ошибаешься, – возразил Рамдас, – на земле нет силы могущественнее любви. Мягкостью и нежностью ты можешь завоевать весь мир. Бросив все, ты стал *садху*, чтобы познать Бога. Бог – это любовь и покой. Признаки невежества – это как раз несдержанный язык и гневный ум. Пока в твоём сердце не поселятся любовь, сочувствие и всепрощение, а в уме не воцарится полный покой, ты не познаешь Бога.

– О, ваши слова целительны, пожалуйста, исправьте меня, – взволнованно воскликнул Балак Рам. – Я знаю, что у меня куча недостатков. Именно поэтому я и мечтаю, чтобы вы оставались со мной. Я искренне хочу извлечь пользу из вашего общества.

В этот момент его интерес переключился на Тапасвиджи: от раскуренной трубки вился дымок ганджи. Беседа прервалась.

Уже несколько раз, когда Балак Рам с бранью набрасывался на посетителей, Рамдас давал ему понять, что предпочел бы распрощаться с ним, чем выслушивать его ругань. Но Балак Рам ни за что не хотел терять Рамдаса, он любил и почитал его. Много раз он прикусывал язык, боясь, что Рамдас незаметно ускользнет от него.

Дело шло к развязке, и она наступила в один из вечеров. В потайном углублении бокового грота Балак Рам хранил одну рупию. Днем ему зачем-то понадобилась монета, но он не обнаружил ее в тайнике. Мальчик, носивший еду, обычно подметал пол в пещере. Подозрение пало на него, но он должен был явиться только вечером. Балак Рам рассвирепел.

– Пусть только придет, – бушевал он, – я сведу с ним счеты! Мерзавец!

Как всегда, мальчик пришел с едой около восьми и поставил на пол судок с ужином. Балак Рам крепко ухватил его за руку.

– Ты украл мою рупию, вор! Где она? – Его глаза метали молнии, а голос был так страшен, что мальчуган задрожал.

– Я не знаю, я не брал, – заскулил он.

– Врешь! – рявкнул Балак Рам. – На воровство ты теперь громозишь ложь! Ты недостойн жизни, и если оставить тебе ее, ты превратишься в отпетого негодяя. Я сейчас же придушу тебя. – От слов он перешел к действию: с бешеной яростью схватил мальчугана за горло и стал душить.

В тот же миг Рамдас поднялся и сказал ему:

– Послушай-ка, Рам, с Рамдаса хватит. Он больше не может оставаться с тобой. – Он спрыгнул с каменного карниза и стал спускаться вниз.

Балак Рам отпустил горло ребенка и побежал за Рамдасом.

– Простите, меня, простите, – ухватился он за ноги Рамдаса, – я был вне себя. Я не причиню мальчику вреда – только вернитесь!

Рамдас вернулся. Вечером у них состоялась откровенная беседа.

– Ты должен держать себя в руках, Рамджи, – твердо сказал Рамдас, – и не пускаться во все тяжкие, как ты сделал недавно. В своей ярости ты мог убить бедного паренька. Ты считаешь, что пытаешься исправить других, но сам полон изъянов. Ты ведь знаешь изречение: «Доктор, вылечись сам!» Оно как нельзя больше подходит к тебе. Не ведая, что творишь, ты больно ранишь чувства людей своими грубыми выпадами. Пойми, так больше продолжаться не может. Люди идут к тебе, надеясь узнать путь к покою, – и что получают? Град оскорблений. В твоём сердце живет бесконечная любовь, но ты топишь ее в шторме необузданных страстей.

– О Боже, неужели я раню людей своими словами! Как я хочу, чтобы это было не так, – сокрушался он в остром приступе раскаяния. – Какой же я бездушный подлец! – горько разрыдался он, закрыв лицо руками. – Покажите мне, как сдерживать этот бешеный ум, – взмолился он. – Иногда он раскаляется, как печка, и кажется, что голова лопнет. Помогите, скажите, что делать!

– Лучший способ приструнить ум – повторять Божье имя, – дал совет Рамдас. – Всегда держи имя на языке, говори поменьше, ешь чистую пищу. Но главное, прекрати курить ганджу. Эта привычка – погибель для тебя.

Глава 12. Банда – Гокар Парват

Для Бога нет ничего невозможного

Тапасвиджи покинул холм наутро после того, как Балак Рам пытался задушить мальчишку-разносчика. Сам паренек тоже исчез. В отсутствие помощника было трудно заполучить еду от купца Мулчанда. Рамдас по-прежнему «сидел» на молоке, которое исправно приносили ему почитатели утром и вечером, и теперь делил свою молочную трапезу с Балак Рамом. Тот начал читать Рам-мантру и два дня оставался спокойным. Приступы гнева не нападали на него, он стал покладистым и умиротворенным, говорил очень мало и воздерживался от курения ганджи. На третий день он заявил, что хочет есть.

Без лишних слов Рамдас, взяв с собой провожатого, отправился в Будрам Куву, где жил *садху* Вишуддхананда. При виде Рамдаса *садху* пришел в ликование и нежно обнял его. Он был худым высоким стариком с длинной седой бородой и волосами до плеч. Тело прикрывала только набедренная повязка. Рамдас сказал, что пришел попросить еды для Балак Рама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.